

На правах рукописи

ДАНИЛИНА Наталия Ивановна

**МОРФОНОЛОГИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ
В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ
(на материале неблизкородственных языков)**

Специальность 10.02.19 – Теория языка

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Саратов – 2012

Работа выполнена на кафедре русской и классической филологии
ГБОУ ВПО «Саратовский государственный медицинский университет
им. В.И. Разумовского»

Научный консультант

Доктор филологических наук, профессор
Кочеткова Татьяна Васильевна

Официальные оппоненты:

- Антипов Александр Геннадьевич, доктор филологических наук, профессор, профессор Кемеровского государственного университета;
- Карабулатова Ирина Советовна, доктор филологических наук, профессор, зам. директора Института гуманитарных исследований Тюменского государственного университета
- Николаева Наталия Геннадьевна, доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой латинского языка и медицинской терминологии Казанского государственного медицинского университета

Ведущая организация

Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского

Защита состоится «25» октября 2012 г. в _____ час. на заседании диссертационного совета Д 212.243.02 при Саратовском государственном университете им. Н.Г. Чернышевского (410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83) в XI корпусе.

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Автореферат разослан «   » _____ 2012_ г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Ю.Н. Борисов

Морфонология как лингвистическая дисциплина прошла в своем развитии несколько этапов. Периодами наиболее активной научной разработки морфонологической проблематики явились временные промежутки 30 – 40-х и конца 60-х – начала 90-х годов XX в. К первому периоду относится зарождение двух основных концепций морфонологии: аналитической (дескриптивной) и синтетической (генеративной). Первая восходит к работам Н.С. Трубецкого и в настоящее время имеет таких сторонников как Н.Е. Ильина, В.В. Лопатин, Т.В. Попова и др., вторая восходит к работам Р.О. Якобсона и разрабатывалась преимущественно в американской лингвистике. В этот период закладываются основы морфонологии как особого раздела языкознания: определяются ее границы и задачи, терминологический аппарат, предлагаются и демонстрируются на конкретном языковом материале разные методы.

Окончательное оформление двух основных теоретических концепций и связанных с ними методов морфонологии происходит в 80-х годах XX в. Детальный анализ работ этого периода дан в монографиях С.М. Толстой и И.Б. Иткина. Оба исследователя констатируют возникновение в отечественной морфонологии подхода, «промежуточного» между дескриптивным и генеративным, получившего название «динамического», и представленного работами Е.С. Кубряковой, Т.В. Булыгиной, Д.С. Ворты, В.Г. Чургановой. Разнообразие исходных теоретических посылок, реализуемых в конкретных исследованиях, ведет к раскоординированности в употреблении большинства терминов. Данная проблема не нашла, однако, адекватного отражения ни в специальных словарях, ни в многочисленных монографиях.

Важным практическим достижением периода конца 60-х – начала 90-х годов следует считать расширение фактической базы морфонологии: публикацию большого количества исследований по морфонологии отдельных языков и диалектов, как индоевропейских, так и неиндоевропейских. Единственным «белым пятном» на этом фоне оставалась и остается морфонология классических языков. Подобная ситуация обусловлена, вероятно, особенностями смены научных парадигм в классической филологии: она вступила в функциональную фазу, практически минуя структурную. Отсутствие научных академических грамматик древнегреческого и латинского языков отчасти компенсируется качественными учебными, однако морфонология, в отличие от других уровней языка, не имеет традиции учебного изложения. Таким образом, исследование древнегреческой и латинской морфонологических систем представляется актуальным как для формирования полноценного системно-структурного компонента в классической филологии, так и для пополнения фактической базы морфонологии как лингвистической дисциплины.

В 80-х годах XX в. были сделаны первые попытки сопоставительного изучения морфонологии разных языков и диалектов (работы Е.С. Кубряковой и Ю.Г. Панкраца, С.В. Бромлей и Л.Н. Булатовой, коллективная монография «Славянская морфонология: субстантивное словоизменение»). Однако задачу типологического изучения морфонологического материала в настоящее время нельзя считать решенной. Исследования, предпринимавшиеся в указанном направлении,

ограничены рамками близкородственных языков (славянских или германских). Морфонологические работы последних десятилетий посвящены, как правило, сравнению отдельных явлений, а не структурных параметров систем в их целостности. Различие в используемых методах и особенностях терминопотребления затрудняет сопоставление и обобщение результатов, полученных разными исследователями.

Объектом нашего исследования является морфонология языков нескольких групп индоевропейской семьи (славянской, германской, романской, греческой).

Предмет исследования составляют линейные и нелинейные морфонологические средства выражения грамматических значений: их роль в системе каждого языка, взаимоотношения разных средств, структура морфонологии как языкового яруса.

Актуальность данной работы для теоретической лингвистики состоит в реализации принципиальной возможности типологического анализа морфонологии неблизкородственных языков с использованием единой методики; актуальность для терминоведения обусловлена потребностью в словарях, отражающих специфику терминопотребления разных научных направлений; актуальность для классического языкознания связана с необходимостью восполнения системы научных парадигм в данном разделе лингвистики.

Цель исследования заключается в создании синхронной и диахронической типологии морфонологических систем и выявлении соотношений между ними.

Достижение данной цели предполагает последовательное решение следующих **задач**:

1) обоснование принципиальной возможности совмещения материала, представленного в работах сторонников разных морфонологических школ, в рамках единого сопоставительного исследования;

2) анализ терминосистемы морфонологии и создание схем, отражающих соответствие терминов разных морфонологических школ и направлений тем или иным явлениям языковой действительности;

3) выработка в качестве гипотезы единой методики синхронного анализа морфонологических систем на основе как методик, принятых в славистике и германистике (традиционное), так и параметров, не учитывавшихся предшествующими исследователями (новое);

4) введение в научный обиход материала морфонологии классических языков;

5) анализ имеющегося в научном обиходе и вновь введенного морфонологического материала по предложенной методике (проверка методологической гипотезы) и разработка синхронной типологии морфонологических систем и их отдельных компонентов;

6) анализ соотношений между морфонологическими системами разных синхронных срезов каждого языка и выявление параметров, существенных для характеристики эволюции морфонологических систем;

7) разработка диахронической типологии морфонологических систем и их отдельных компонентов;

8) выявление соотношений между синхронной и диахронической типологией.

Материал исследования, в соответствии с поставленными задачами, носит гетерогенный характер. Данные морфонологии классических языков получены

методом сплошной выборки из словарей древнегреческого и латинского языков. Морфонологические системы славянских и германских языков имеют богатые традиции лингвистического изучения, поэтому мы имели возможность воспользоваться академическими грамматиками и специальными исследованиями. Комплекс проблем, связанных с особенностями социального и территориального варьирования национальных языков, в настоящем исследовании не затрагивается. В качестве репрезентантов национальных языков взяты литературные языки, для древнегреческого – язык аттической прозы.

Методы исследования – описательный и сопоставительный с элементами количественного анализа. Присутствующие элементы диахронического анализа не выводят исследование за рамки ориентированного главным образом на синхронию. Различные временные срезы одного и того же языка рассматриваются как отдельные структурно самостоятельные системы, а языковая диахрония понимается как эволюция данных систем.

Научная новизна работы в области классического языкознания определяется впервые проведенным системно-структурным анализом морфонологии древнегреческого, новогреческого и латинского языков. Для типологической лингвистики, оперирующей данными языков разных групп, новым является привлечение морфонологического материала как такового. Новизна работы для теории языка связана с обоснованием и реализацией возможности анализа морфонологии неблизкородственных языков по уточненным и вновь разработанным методикам в рамках единого исследования. В сфере терминоведения новизна исследования состоит в анализе терминосистемы морфонологии как самостоятельной лингвистической дисциплины (отличной от фонологии); на примере морфонологической терминологии изучаются отношения «разноименности» одного и того же понятия или явления языковой действительности в рамках разных научных школ.

Положения, выносимые на защиту:

1. Компоненты морфонологических систем исследованных языков, реализующие оппозиции «имя / глагол», «вокализм / консонантизм / линейные явления», «словообразование / словоизменение», обладают относительной независимостью друг от друга, могут занимать разное место в структурной классификации и иметь разные судьбы в истории языка. Данное положение подтверждается, в частности, следующими фактами: немногочисленностью языков, обладающих всей палитрой морфонологических средств (русский, польский, древнегреческий); большей регулярностью консонантной морфонологии в сравнении с вокальной и существенными различиями в количестве и составе вокальных и консонантных морфонологических позиций и моделей во всех исследованных языках; доказанной трудностью или же принципиальной невозможностью применения методик, используемых в словоизменительной морфонологии, к материалу словообразовательной морфонологии некоторых языков (например, славянских).

2. Параметрами сопоставления морфонологических систем в синхронии могут являться не только такие традиционные характеристики, как грамматическая база (набор грамматических категорий, выражаемых средствами морфонологии), фонологический субстрат (набор альтернативных рядов и типов чередований) и

соотношение между количеством морфонологических моделей и реализующих их альтернативных рядов, но и объем системы (набор компонентов), степень задействованности фонемного инвентаря в морфонологических чередованиях, структура системы (наличие иерархии морфонологических позиций и моделей, возможность морфонологической нейтрализации). Так, латинская и германские морфонологические системы отличаются от древнегреческой, новогреческой и славянских исключительно вокальным характером морфонологии. Они структурированы, как правило, небольшим количеством рядоположенных позиций, тогда как русская, польская, древнегреческая (глагольная) морфонология располагают позициями разного статуса, образующими иерархию.

3. Параметрами сопоставления морфонологических систем в диахронии являются сокращение, расширение или неизменность объема системы, грамматической и фонологической базы. Основные типы эволюции морфонологических систем следующие: утрата, редукция, углубление, расширение, трансформация. Английская и новогреческая морфонологические системы сформировались путем редукции предшествующих состояний (готского, древнегреческого), выразившейся в утрате линейного компонента, в сокращении количества морфонологически релевантных грамматических категорий и в существенном ограничении лексической базы. Примером эволюции по типу углубления может служить немецкая морфонология, сохранившая аблаут и объединившая его рефлекс с рефлексом умлаута и преломления в составе гетерогенных многочисленных альтернативных рядов, что привело к увеличению количества морфонологически маркируемых грамматических категорий. Русская и польская системы, эволюционировавшие по типу расширения, не только сохранили консонантную морфонологию, возникшую в позднем праславянском в результате процессов йотации и палатализаций, но и сформировали вокальную, основу которой составили процессы «падения» и «прояснения» редуцированных и их следствия, в результате чего количество морфонологически маркируемых грамматических категорий также увеличилось. Трансформация – наиболее редкий в нашем материале тип эволюции; он представлен переходом от праиндоевропейской аблаутной морфонологии к праславянской консонантной.

4. Как синхронный, так и диахронический анализ морфонологических систем позволяют выделить две противопоставленные группы языков: 1) английский с большинством германских, новогреческий; 2) русский, польский. Первая группа содержит системы с минимальным объемом и минимальной грамматической базой, характеризующиеся отсутствием структурной иерархии. Системы данной группы возникли путем редукции хронологически предшествующих состояний. Вторая группа содержит системы максимального объема с широкой грамматической базой и иерархической структурой всех компонентов. Данные системы возникли путем расширения морфонологии праязыка. Компоненты морфонологических систем остальных исследованных нами языков занимают промежуточное положение, тяготея к одной из выделенных групп. В частности, древнегреческая именная морфонология входит в один структурный класс с английской, глагольная – с русской и польской.

5. Общность исторических судеб рассмотренных нами близкородственных языков, хотя и отражается определенным образом на фонологическом субстрате и грамматической базе морфонологии, не играет решающей роли в структуризации морфонологических систем этих языков и не оказывает решающего воздействия на пути их дальнейшего развития. Так, латинский и новогреческий языки, не входя в германскую группу, имеют с языками последней ряд общих структурных черт в сфере морфонологии (минимальная фонетическая и грамматическая база, минимальное количество морфонологических позиций и отсутствие их иерархии). Морфонология немецкого языка по многим параметрам (грамматическая база, лексическая база, длина и структура альтернативного ряда, наличие иерархии) противопоставлена остальным германским. Болгарская морфонология обладает рядом структурных отличий от генетически близких ей русской и польской (например, отсутствием иерархии в именном компоненте). Уникальность греческой морфонологии состоит в том, что ее разные хронологические срезы (древнегреческий и новогреческий) входят в ядерные зоны разных структурных и эволюционных классов.

Теоретическая значимость результатов исследования связана с 1) уточнением методики анализа морфонологических систем на отдельных синхронных срезах; 2) разработкой методики анализа морфонологических систем в процессе эволюции; 3) доказанной на примере морфонологии возможностью и целесообразностью анализа терминосистем в направлении «от понятия к термину»; 4) с введением в научный оборот типологически значимого материала морфонологии ряда языков.

Практическая значимость работы определяется возможностью применения ее результатов в терминологической лексикографии, в преподавании классических языков и теоретических лингвистических дисциплин.

Апробация работы. По теме диссертации опубликованы монография «Морфонологические системы в синхронии и диахронии» и 27 статей, в том числе 8 – в периодических изданиях из списка ВАК. Результаты исследования обсуждались на всероссийских и международных конференциях («Язык и общество в синхронии и диахронии» – Саратов, 2005, «Актуальные проблемы классической филологии и сравнительно-исторического языкознания» – Томск, 2008, «Научные чтения, посвященные 80-летию Ф.А. Никитиной» – Киев, 2009, «Актуальные проблемы современной науки и образования» – Ульяновск, 2010, «Синхронное и диахронное в сравнительно-историческом языкознании» – Москва, 2011); на заседаниях Поволжского научно-методического семинара по проблемам преподавания и изучения дисциплин классического цикла (Н.Новгород, 2006, 2007, 2009, 2011); на секции «Античный мир и мы» конференции молодых ученых Саратовского государственного медицинского университета (Саратов, 2000 – 2007).

Перспективы исследования может составить изучение словообразовательной морфонологии языков романской и германской групп (в настоящее время специальные исследования в данной области нам неизвестны) и разработка методики сопоставительного анализа словообразовательной морфонологии, как в синхронии, так и в диахронии.

Структура работы

Диссертация состоит из введения, семи глав, заключения, списка использованной литературы, списка источников материала и приложений.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Глава 1 является изложением теоретических позиций автора и методологических гипотез, легших в основу исследования.

Главы 2 – 4 посвящены исследованию морфонологических систем древнегреческого, новогреческого и латинского языков. На собранном нами материале проверяются методологические гипотезы, выдвинутые в главе 1. Каждая система представляется как совокупность подсистем, анализируемых отдельно друг от друга: морфонология глагольного словоизменения (вокализм, консонантизм, линейные явления), морфонология именного словоизменения (вокализм, консонантизм, линейные явления), морфонология отглагольного и отыменного словообразования. Каждый раздел включает: анализ отношений морфонологической системы к грамматической; перечни звуковых чередований или линейных морфонологических явлений с указанием их происхождения, анализ отношений морфонологической системы к фонологической; анализ внутренней структуры морфонологической системы (морфонологические позиции и модели, их лексическая мощность и возможная иерархия, альтернативные ряды, следующие каждой модели). В завершающем разделе каждой главы обобщаются результаты исследования отдельных подсистем морфонологической системы и устанавливается специфика отношений между подсистемами.

Главы 5 и 6 содержат сопоставительный анализ морфонологических систем разных языков, включая разные хронологические срезы одних и тех же языков, проверяется типологическая значимость каждого из параметров, по которым могут быть охарактеризованы морфонологические системы, предлагаются возможные классификации систем, построенные по нескольким основаниям.

Глава 7 посвящена изучению эволюции морфонологических систем и их отдельных компонентов.

Глава 1 «**Морфонология в ее современном состоянии**» состоит из 6 разделов, 5 из которых посвящены каждой одной из актуальных теоретических проблем современной морфонологии, а шестой содержит выводы ко всей главе.

В разделе 1.1 «**Фактическая база сопоставительной морфонологии**» обосновывается принципиальная возможность совмещения результатов, полученных разными учеными, в рамках обобщающего исследования.

Противопоставление аналитической и динамической концепций, сложившееся в начальный период развития морфонологии, не является абсолютным. Имеется ряд теоретических положений, разделяемых представителями разных школ. Назовем основные из них. Морфонологическая система в целом состоит из относительно

автономных участков (именного и глагольного словоизменения, отыменного и отглагольного словообразования). Обязательным элементом анализа является установление условий каждого чередования (алломорфов в составе морфемы либо фонем в составе альтернативного ряда), для обозначения условий может использоваться термин *морфонологическая позиция*. Условия чередований могут быть сформулированы в терминах вышележащего яруса. Условия чередований могут быть обобщены для каждого из автономных участков морфонологической системы. Возможность обобщения условий чередований связана со способом представления материала в направлении от системы грамматических форм к средствам их морфонологической маркировки.

Во всех исследованиях аналитического направления («Славянская морфонология», «Русская грамматика», работы Н.Е. Ильиной, Т.В. Поповой) перечисленные положения реализуются в полном объеме, работы же, выполненные в русле динамической концепции, могут быть разделены на две группы. Первую составляют исследования, реализующие все названные положения (работы Е.С. Кубряковой и Ю.Г. Панкраца, С.М. Толстой, И.Д. Арутюновой, М. Баттисты и В. Пиррелли, А. Кэрстейрса), вторую – исследования, реализующие только часть из них (работы В.Г. Чургановой, И.Б. Иткина, Г. Аронсона). Мы полагаем, что для практики сопоставительной морфонологии различие между двумя типами динамических исследований более существенно, чем концептуальные теоретические различия между аналитической и динамической морфонологией. Именно таким способом подачи материала, при котором исходным пунктом выступают формы грамматической парадигмы, конечным – средства их морфонологической маркировки, обуславливается сопоставимость результатов концептуально различных исследований.

В разделе 1.2 «Система понятий и терминов» анализируются особенности терминопотребления в трудах представителей разных направлений морфонологии, преимущественно тех, материал которых может быть использован для решения задач, поставленных в нашей работе.

В условиях весьма незначительной доли исследований типологической ориентации в общем корпусе работ по морфонологии особенно важной представляется ситуация не столько разного понятийного наполнения одних и тех же терминов, сколько разноименности одних и тех же понятий и явлений языковой действительности, анализируемых разными учеными. Так, термин *альтернативный ряд* используется в двух значениях: узком, формулируемом в словаре В.Н. Немченко («ряд звуков..., образующийся в результате чередования»), и широком, принимаемом московскими славистами («все функционально тождественные типы чередования»). В то же время явление, соответствующее широкому значению термина *альтернативный ряд*, употребляемому славистами, в работах германистов обозначается термином *морфонологическая модель*, в работе С.В. Бромлей и Л.Н. Булатовой – термином *морфонема*, в работе Н.Е. Ильиной – термином *группа морфем*. Подобные примеры далеко не единичны. Именно указанное свойство метаязыка лингвистики (в частности, морфонологии) делает принципиально возможным изучение терминосистем в направлении «от понятия к термину» и,

следовательно, сопоставление результатов, полученных представителями разных научных школ, в рамках единого исследования. Результаты анализа терминосистемы морфонологии представлены в данном разделе работы в форме таблицы, содержащей графы «определение понятия», «примеры», «термины», «ссылки», «примечания».

Анализ показывает, что из терминов, употребляемых представителями разных направлений морфонологии, необходимыми и достаточными для исследований сопоставительно-типологической ориентации служат: *альтернант*, *альтернационный ряд*, *чередование*, *тип чередования*, *морфонологическая модель*, *морфонологическая позиция*, *маркирование*.

Термин *альтернант* однозначен: «отдельный минимальный морфонологический сегмент, находящийся в отношении чередования (варьирования) с другим (или другими) минимальным сегментом» (дефиниция из монографии «Славянская морфонология. Субстантивное словоизменение»). В рамках синхронного анализа необходимость обращения к соответствующим объектам языковой действительности представляется очевидной и в дальнейшем подтверждается материалом нашего исследования.

Термин *чередование* является основополагающим во всех морфонологических концепциях и обладает необходимой для термина однозначностью: «конкретная фонемная реализация альтернантов в рамках одной морфемы с указанием на их грамматическую значимость» (дефиниция из монографии «Славянская морфонология. Субстантивное словоизменение»). В зависимости от общей ориентации исследования, он может получать как статическую (Н.Е. Ильина, Т.В. Попова и др.), так и динамическую (Е.С. Кубрякова, Ю.Г. Панкрац) трактовку.

За термином *альтернационный ряд* представляется целесообразным закрепить его приведенное выше узкое значение, а для понятия, соответствующего широкому значению, использовать однозначный термин Е.С. Кубряковой *морфонологическая модель*.

Термин *тип чередования*, определяемый Т.В. Поповой как «тождественные, но реализуемые разными фонемами, звенья чередования, альтернанты которых различаются между собой по одним и тем же дифференциальным признакам», используется только в работах исследователей-славистов, т.к. соответствующее понятие относится преимущественно к консонантным чередованиям, отсутствующим в языках германской группы. Поскольку исследуемые нами греческий и латинский языки имеют консонантную морфонологию, использование данного термина в сопоставительной морфонологии представляется возможным и необходимым.

Закрепленность чередования за определенным объектом обозначается в морфонологии однозначным термином *маркирование*. Специфика материала разных языков позволяет характеризовать таким способом разные типы объектов: отдельные альтернанты, грамматические категории или иные наборы грамматических форм.

Наиболее дискуссионен и полисемичен термин *морфонема*. Даже в работах, относительно однородных в теоретическом и методологическом плане (монографии Н.Е. Ильиной, С.В. Бромлей и Л.Н. Булатовой, коллективная «Славянская

морфонология»), он используется для обозначения различных понятий. В настоящей работе мы считаем целесообразным отказаться от его употребления, т.к. в любом из своих значений он имеет корректные альтернативные номинации.

В разделе 1.3 «Теоретические аспекты позиционного анализа (словоизменение)» рассматривается возможность и целесообразность применения метода позиционного анализа, разработанного в рамках фонологии, к материалу морфонологии. Изучение основных исследований в данной области позволяет прийти к выводу, что проблема позиционного анализа в морфонологии до сих пор не получила достаточной теоретической разработки.

Термин *позиция* полисемичен в своем употреблении: Н.Е. Ильина понимает под ним одну из форм морфологической парадигмы (что можно заключить из количества выделяемых ею позиций), большинство исследователей (эксплицитно или же имплицитно, без использования самого термина) – группу форм, объединенных постоянной общностью фонетической реализации. Вторая трактовка представляется нам более последовательной, т.к. подчеркивает автономность морфонологии по отношению к смежным языковым уровням. Поскольку количество форм грамматической парадигмы превышает количество членов чередования, выделение морфонологических позиций составляет самостоятельную процедуру в рамках морфонологического анализа. Этапы данной процедуры: 1) составление полного списка грамматических позиций; 2) выявление фонологической реализации каждой альтернирующей морфемы в каждой из грамматических позиций; 3) объединение в одну морфонологическую позицию тех грамматических позиций, в которых каждый альтернативный ряд представлен одним и тем же членом.

Одним из дискуссионных моментов позиционного анализа является установление иерархии, понимаемой обычно как деление позиций на сильные и слабые. В фонологии представлено понимание сильной позиции как 1) позиции наименьшей обусловленности; 2) позиции наибольшего различия. Исследованный нами материал классических языков показал, что обе эти трактовки, будучи перенесены в сферу морфонологии, могут приводить к противоречиям. Например, консонантный компонент древнегреческой глагольной морфонологии оказывается лишенным сильных позиций, т.к. все выделяемые морфонологические позиции могут содержать альтернанты, являющиеся результатом нейтрализаций: λαμβάνω — εἶληφα, πέμπω — πέπομφα (нейтрализация в перфекте), κράζω — ἔκραγον, φράζω — πέφραδον (нейтрализация в презенсе), ἔκραγον — κράζω, ἐπλήγην — πλήσσω (нейтрализация в аористе). В латинских префиксальных глаголах «основной вариант» корневого гласного часто вообще не может быть установлен без обращения к информации словообразовательного уровня. Например, в формах *corripio, corripui / correptum* как гласный *i*, так и гласный *e* являются результатом «сокращения» корневого *a*, который наблюдается только в производящем глаголе *rapio*. Данная ситуация делает актуальными поиски альтернативных решений проблемы иерархии позиций.

Анализ древнегреческой морфонологии позволил нам выдвинуть следующую гипотезу, целесообразность и объяснительная сила которой проверяются в дальнейших разделах работы. На синхронном уровне позиции могут быть не ранжированы (разделены на сильные и слабые), а охарактеризованы по одному или

нескольким признакам. Теоретическая необходимость наличия нескольких критериев выделения позиций была высказана еще в 1977 году Т.В. Булыгиной. Обычно критерием классификации позиций в морфонологии является только характер воздействия того или иного суффиксального морфа на корневой гласный или последний согласный корня, тогда как возможность нескольких характеризующих признаков до сих пор выступала скорее как желаемая, чем как действительная. Наше исследование показывает, что именно древнегреческая морфонология может служить хорошим материалом для реализации такой возможности.

Морфонологические позиции, выделенные по критерию «воздействие на объект», обладают свойством иметь специфический альтернант и могут быть названы *базисными*. Базисные позиции играют в системе роль *типообразующих* и составляют основу морфонологического моделирования. Таковы позиции презенса, аориста и перфекта в вышеприведенном древнегреческом примере, противопоставление которых формирует морфонологические модели «презенс / аорист + перфект», «презенс / аорист / перфект», «презенс + аорист / перфект».

Критерий «фонологическая реализация объекта» позволяет противопоставить базисным позициям *примыкающие*, способные содержать только альтернанты, свойственные базисным позициям. Особенности фонологической реализации примыкающих позиций создают разновидности внутри морфонологических моделей, внося в систему отношения иерархии, являющиеся одним из важнейших параметров характеристики систем. Так, для русской консонантной морфонологии базисными являются позиции в личных формах настоящего и прошедшего времени, имеющие каждая собственный альтернант, примыкающей – позиция в страдательном причастии прошедшего времени. Например: *сплю* / *спит* / *спал* (*заспанный*); *разбужу* (*разбуженный*) / *разбудит*, *разбудил*; *жду*, *ждал* (*нежданный*) / *ждёт*.

Типообразующие позиции могут обладать свойством не в полной мере реализовать свои базисные функции. В этом случае они репрезентируются не специфическими альтернантатами, а альтернантатами других базисных позиций, приобретая сходство с примыкающими. Таковы аористные позиции для древнегреческого вокализма: в одних лексических группах они содержат уникальные альтернанты, в других – альтернанты презентной или футуральной позиции, например: $\lambda\acute{\epsilon}\acute{\iota}\pi\omega$ (презенс), $\acute{\epsilon}\lambda\acute{\iota}\pi\omicron\nu$, $\acute{\epsilon}\lambda\acute{\epsilon}\acute{\iota}\phi\theta\eta\nu$ (аористы); $\tau\acute{\epsilon}\acute{\iota}\nu\omega$ (презенс), $\tau\epsilon\nu\hat{\omega}$ (футурум), $\acute{\epsilon}\tau\epsilon\iota\nu\alpha$, $\acute{\epsilon}\tau\acute{\alpha}\theta\eta\nu$ (аористы); $\acute{\epsilon}\chi\omega$ (презенс), $\acute{\epsilon}\sigma\chi\omicron\nu$, $\acute{\epsilon}\sigma\chi\acute{\epsilon}\theta\eta\nu$ (аористы).

По критерию «степень системной интеграции» позиции могут быть разделены на полностью *интегрированные* и относительно *автономные*. Последние либо имеют специфический альтернант в узком круге слов, либо носят факультативный характер в грамматической системе. Примером первого рода служат формы повелительного наклонения для последнего согласного корня в русском языке (*берегу*, *берег* / *бережет*, *береженный* / *береги*), примером второго рода – перфект 2 в древнегреческом.

Таким образом, последовательная реализация статико-аналитического подхода позволяет, во-первых, выявить и отразить иерархические отношения в системе

морфонологических позиций, во-вторых, получить сходные классы позиций, выделяемые по разным основаниям, что доказывает системность морфонологии как языкового яруса.

В разделе 1.4 «Теоретические аспекты позиционного анализа (словообразование)» рассматривается вопрос о возможности и целесообразности применения позиционного анализа к сфере деривационной морфонологии.

И фонология, и словоизменительная морфонология трактуют позицию как окружение единицы, выраженное в терминах соответствующего уровня. Перечень возможных окружений представляет собой закрытый ряд. В грамматике такие ряды носят название парадигм, а позиция представляет собой «парадигматическое место». Позициями же в словообразовательной парадигме являются словообразовательные значения, каждое из которых может быть выражено несколькими разными аффиксами. Следовательно, морфонологические позиции в сфере словообразования не могут быть получены путем обобщения словообразовательных позиций, т.к. последние выделяются по семантическому критерию, а в основе морфонологических явлений всегда лежат фонетические, т.е. формальные процессы. Именно эта ситуация приводит исследователей (Е.А. Земскую, В.В. Лопатина) к необходимости выделять в словообразовательной морфонологии позиции двух типов: морфонологические и семантические или морфонологические и грамматические.

Важное отличие словообразовательной парадигмы от словоизменительной состоит в необязательности, узуальности компонентов первой и обязательности, системности компонентов второй. В словоизменительных парадигмах функционируют альтернативные ряды с заданным позиционным распределением членов, тогда как для словообразовательных парадигм выделение подобных рядов нецелесообразно из-за наличия множества лакун. Так, в словообразовательной парадигме русского глагола относительно регулярными могут считаться только три морфонологические позиции: 1) существительные со значением действия на *-ение* или *-ание*; 2) глаголы несовершенного вида на *-ивать* (*-ывать*) или на *-ать*; 3) глаголы однократного способа действия на *-нуть*.

Таким образом, в словообразовательной морфонологии применение термина *позиция* в таком значении, которое было бы изоморфно его значению в фонологии, представляется целесообразным лишь тогда, когда формальный и семантический критерии выделения позиций не дают существенных расхождений, что наблюдается обычно в образованиях высокой степени регулярности и обязательности. Подобные случаи в деривационной морфонологии имеются. Такова, например, вокальная морфонология древнегреческого отглагольного словообразования. Здесь высокую степень регулярности проявляют отглагольные существительные на *-σις*, *-μα*, *-η*, *-ος*, *-ια* и прилагательные на *-τος*, *-τεος*, *-τικός*. Финали *-σις*, *-μα*, *-τος*, *-τεος*, *-τικός* формируют единую морфонологическую позицию, требующую корневого гласного *ε* или *η*, тогда как перед финалями *-η*, *-ος*, *-ια* (другая морфонологическая позиция) корневой гласный имеет ступень *ο* или $\emptyset$ (и ее этимологический эквивалент *α*). Примеры: *τρέφω* → *θρέμμα*, *θρεπτέος*, *τροφή*, *τροφός*; *σπείρω* →

σπέρμα, σπαρτός, διασπορά, ἄσπορος; λαμβάνω → λήμμα, ληπτός, λαβή, ἐργολαβός.

Из языков индоевропейской семьи наиболее полно изучены в аспекте словообразовательной морфонологии славянские (работы В.В. Лопатина, С.М. Толстой, М.Ю. Федурко и др.). Соответствующие работы представляют собой, как правило, классификации суффиксальных морфов по особенностям их воздействия на разные фонологические классы конечных согласных корневых морфов, что, в сущности, является аналогом процедуры выделения морфонологических позиций в словоизменительной морфонологии. Следовательно, есть основания полагать, что именно данный способ анализа соответствует характеру системных связей в славянской деривационной морфонологии. В то же время с помощью позиционного анализа, полностью аналогичного анализу словоизменительной морфонологии, могут быть исследованы отдельные фрагменты древнегреческой и латинской словообразовательной морфонологии.

Таким образом, несмотря на существенные достижения в плане анализа конкретного языкового материала, словообразовательная морфонология в настоящее время не может считаться дисциплиной, достаточно разработанной в теоретическом и терминологическом аспектах.

В разделе 1.5 «**Параметры типологической характеристики систем**» рассматриваются имеющиеся в науке методики анализа морфонологии близкородственных языков и выявляются возможности использования в подобных исследованиях некоторых новых параметров. Мы полагаем, что, наряду с общепринятыми критериями анализа морфонологических систем (функции морфонологических явлений по отношению к грамматическим, типы чередований, списки альтернативных рядов и морфонологических моделей с их лексической базой), обязательными элементами исследования должны являться также функциональная характеристика морфонологических позиций (и обусловленная ею иерархичность структуры) и количественные характеристики каждого компонента системы. К числу последних можно отнести *чередующесть* (отношение числа фонем, задействованных в морфонологических чередованиях, к общему числу фонем в системе), *типизированность* (отношение числа альтернативных рядов к числу морфонологических моделей), *нагруженность* (количество рядов, в которых может быть задействован один альтернант), *нейтрализуемость* (доля пересекающихся альтернативных рядов в общем количестве рядов).

Показатели *чередующесть* и *нагруженность* характеризуют степень представленности фонологического инвентаря языка на морфонологическом ярусе, отражая связь морфонологии с фонологической системой и свидетельствуя, в конечном счете, о большей или меньшей роли морфонологии в языковой системе в целом. Например, исследованный нами материал позволил установить, что в большинстве компонентов русской и польской систем в морфонологических чередованиях участвует 90% фонем, тогда как в древнегреческом – только 60–80 %. Критерий нагруженности альтернанта оказался, по нашим данным, существенным для взаимного противопоставления компонентов одной системы. Вокальные альтернанты задействованы, как правило, каждый в большем количестве альтернативных рядов, чем консонантные. Например, в новогреческом языке

соответствующие показатели составляют 4.3 и 0.8.

Показатели *нейтрализуемость* и *типизированность* относятся к внутреннему устройству морфонологического яруса. Они могут служить критериями сравнения как аналогичных компонентов морфонологических систем разных языков, так и компонентов системы одного языка. Результаты нашего исследования говорят о высокой типизированности английской (7.0 – 12.0) и латинской (6.0 – 10.0) морфонологии в целом, а также славянской и греческой консонантной (от 3.7 в болгарской именной системе до 8.8 в русской глагольной). Морфонологическая нейтрализация консонантных оппозиций свойственна преимущественно греческому языку (0.8 – 1.0), в меньшей степени – славянским (0.2 – 0.5), вокальных – германским (0.8).

В разделе 1.6 «**Выводы к главе 1**» подводятся итоги изучения современного состояния морфонологической теории и обозначаются основные рабочие гипотезы нашего исследования и принятые в работе термины. В качестве рабочей гипотезы исследования нами вносится ряд уточнений в теорию позиционного анализа. Мы полагаем, что морфонологические позиции целесообразно не делить на сильные и слабые (традиционный подход, берущий начало в фонологии), а характеризовать по нескольким признакам. Критериями характеристики морфонологических позиций и их взаимных отношений предлагаем считать базисность / примыкание (особенности фонологической реализации объекта), наличие типобразующей функции и полнота ее реализации (роль в формировании морфонологических моделей), степень системной интеграции. Нам удалось показать, что метод позиционного анализа, применяемый в морфонологии словоизменения, не всегда может быть экстраполирован на словообразовательную морфонологию. Мы признаем релевантность традиционных критериев анализа морфонологических систем. Элементы статистических характеристик, использованные в монографии Е.С. Кубряковой и Ю.Г. Панкраца, могут служить основанием для разработки целостной методики количественного морфонологического анализа. В ходе дальнейшего исследования предполагается проверить типологическую релевантность следующих количественных критериев: *чередующесть*, *нагруженность*, *нейтрализуемость* *типизированность*.

Глава 2 «**Морфонологическая система древнегреческого языка**»

Данная глава представляет собой синхронное исследование древнегреческой морфонологии методом позиционного анализа. Морфонологическая система древнегреческого языка состоит из двух относительно автономных сфер: глагольной и именной. Глагольная морфонология обладает более сложной, иерархичной структурой и располагает большим количеством морфонологических средств, чем именная, в силу грамматической специфики частей речи.

Именная морфонология носит преимущественно вокальный характер, линейный компонент незначителен, консонантный практически отсутствует. Мощность морфонологических явлений задается не закрытыми списками слов, а фонологическими особенностями именных основ, определяемых по позиции генитива единственного числа. Лексическую базу именной морфонологии

составляет 3-е склонение. Фонологическая база сформирована преимущественно рефлексами количественного аблаута и заместительного удлинения. Перечисленные особенности именной морфонологии ярче проявляются в словоизменении, чем в словообразовании. Примеры морфонологических чередований в древнегреческом склонении: ῥήτωρ / ῥήτορος, ὕδωρ / ὕδατος, πόλις / πόλεως, χερσί / χεῖρ, πατήρ / πατρός / πατέρα и т.п. В общей сложности морфонологическая система словоизменения существительных имеет 5 основных моделей и 5 дополнительных (представленных 1 – 4-мя лексемами). Базовой оппозицией служит противопоставление основы Им.п. ед.ч. основе Р.п. ед.ч., от которой образуется большинство форм парадигмы. От основы Им.п. ед.ч. в разных морфонологических моделях могут образовываться формы В.п. ед.ч., Зв.п. ед.ч., Д.п. мн.ч. Например, βασιλεύς, βασιλεῦ, βασιλεῦσιν / βασιλέως.

Морфонологическая система в сфере глагольного словоизменения состоит из трех хорошо структурированных компонентов: вокального, консонантного и линейного.

Вокальная морфонология является одним из способов выражения грамматических значений вида (оппозиция «презенс / аорист / перфект»), времени (оппозиция «презенс / футурум» в рамках презентного вида), залога (оппозиция «актив + медий / пассив» в рамках аориста или «актив / медиопассив» в рамках перфекта). Выделяется 6 морфонологических позиций, каждая из которых соответствует группе грамматических форм: презенс, футурум, аорист 1 или 2, аорист пассивного залога, перфект 1 с перфектом пассивного залога, перфект 2. Особенности дистрибуции альтернантов каждого чередования позволяют выделить 12 морфонологических моделей, включая их разновидности. Данные модели реализуются 32-мя альтернативными рядами, которые представлены в 63 глагольных корнях. Примеры: λείψω, ἐλείφθην, λέλειμμαί, λείπω / ἔλιπον / λέλοιπα (1А), δήξομαι, ἐδήχθην, δέδηγμαί, δέδηχα / ἔδακον, δάκνω (1В), κλέψω, ἔκλεψα, κλέπτω, κέκλεμμαί / ἐκλάπην / κέκλοφα (2А), θρέψω, ἔθρεψα, τρέφω / ἐτρέφην, τέτραμμαί / τέτροφα (2В), σπερῶ / ἔσπειρα, σπείρω / ἐσπάρην, ἔσπαρμαι (3).

В вокальном компоненте глагольной морфонологии может быть констатировано соответствие между синхронной структурой системы и генезисом ее составляющих. Рефлексы индоевропейского аблаута (λείπω / ἔλιπον / λέλοιπα, κλέπτω / ἐκλάπην / κέκλοφα и т.п.) представлены в 9 моделях, результаты собственно греческого компенсаторного удлинения (ἐγερῶ → ἐγείρω и т.п.) – только в двух; одна модель репрезентируется альтернативным рядом, содержащим рефлексы обоих явлений (σπερῶ / ἐσπάρην → σπείρω). В общей сложности аблаутные отношения задействованы в 23 альтернативных рядах (46 корней), тогда как заместительное удлинение – в 11-ти (25 корней), что свидетельствует о преобладающей роли аблаута в формировании древнегреческой вокальной морфонологии.

Консонантные морфонологические явления сопровождают в древнегреческом языке грамматические оппозиции по виду и времени (презенс / аорист / перфект). В результате система содержит три морфонологических позиции, каждая из которых состоит из группы грамматических форм, не полностью совпадающей с системой грамматических форм соответствующего вида. Перфект 2 демонстрирует

относительную автономность. Особенности фонетической репрезентации каждой из позиций позволяют выделить 4 морфонологических модели: $\sigma\acute{\tau}\acute{\epsilon}\lambda\lambda\omega$ / $\acute{\epsilon}\sigma\tau\acute{\alpha}\lambda\eta\nu$, эстакка (1А), $\pi\lambda\acute{\eta}\sigma\omega$ / $\acute{\epsilon}\pi\lambda\acute{\eta}\gamma\eta\nu$, $\pi\acute{\epsilon}\pi\lambda\eta\gamma\alpha$ (1В), $\kappa\acute{\lambda}\acute{\epsilon}\pi\tau\omega$ / $\acute{\epsilon}\kappa\lambda\acute{\alpha}\pi\eta\nu$ / $\kappa\acute{\epsilon}\kappa\lambda\omicron\phi\alpha$ (2), $\pi\acute{\lambda}\acute{\epsilon}\kappa\omega$, $\acute{\epsilon}\pi\lambda\acute{\alpha}\kappa\eta\nu$ / $\pi\acute{\epsilon}\pi\lambda\epsilon\chi\alpha$ (3). Есть основания полагать, что мощность каждой модели определяется спецификой консонантного исхода корня. Для древнегреческой консонантной морфонологии характерно наличие пересекающихся альтернативных рядов (морфонологическая нейтрализация): $\acute{\epsilon}\lambda\alpha\beta\omicron\nu$ / $\acute{\epsilon}\acute{\iota}\lambda\eta\phi\alpha$ и $\acute{\epsilon}\tau\omicron\pi\omicron\nu$ / $\tau\acute{\epsilon}\tau\omicron\phi\alpha$; $\kappa\omicron\alpha\zeta\omega$ / $\kappa\acute{\epsilon}\kappa\omicron\alpha\gamma\alpha$ и $\omicron\zeta\omega$ / $\omicron\delta\omicron\delta\alpha$. Диахроническую базу консонантного компонента глагольной морфонологии составляют два собственно греческих явления: йотация в презенсе ($\kappa\omicron\alpha\zeta\omega \leftarrow \kappa\acute{\epsilon}\kappa\omicron\alpha\gamma\alpha$, $\omicron\zeta\omega \leftarrow \omicron\delta\omicron\delta\alpha$) и аспирация в перфекте 2 ($\acute{\epsilon}\lambda\alpha\beta\omicron\nu \rightarrow \acute{\epsilon}\acute{\iota}\lambda\eta\phi\alpha$, $\acute{\epsilon}\tau\omicron\pi\omicron\nu \rightarrow \tau\acute{\epsilon}\tau\omicron\phi\alpha$). Каждый из этих процессов соотносится с определенной морфонологической моделью.

Сопоставление системных свойств вокальной и консонантной морфонологии позволяет констатировать как сходства (набор обязательных типобразующих позиций: одна из системы презенса, одна или несколько из системы аориста, перфект 2, обладающий относительной автономностью), так и различия (иерархия позиций в вокализме и равноправие в консонантизме).

Линейные морфонологические явления (инфиксация в презенсе глаголов типа $\lambda\alpha\mu\beta\acute{\alpha}\nu\omega$, распространение основ VII класса гласным ϵ или η , наличие / отсутствие конечного ν в глаголах типа $\kappa\acute{\lambda}\acute{\iota}\nu\omega$) характеризуются каждое индивидуальной дистрибуцией. В то же время достаточно высокая регулярность позволяет считать линейную морфонологию особым компонентом морфонологической системы в целом.

Древнегреческая словообразовательная морфонология обладает системными свойствами только в области вокализма. Вокальная морфонология в словообразовании и в словоизменении имеют общую материальную базу, но отличаются особенностями структуры и диахронического субстрата. Основу моделирования в словообразовательной морфонологии составляет дистрибуция альтернантов качественного чередования ϵ/o , тогда как словоизменительная морфонология сформирована преимущественно рефlekсами количественного аблаута и собственно греческого компенсаторного удлинения. Примеры: $\tau\acute{\rho}\acute{\epsilon}\phi\omega \rightarrow \theta\acute{\rho}\acute{\epsilon}\mu\mu\alpha$, $\theta\omicron\epsilon\pi\tau\acute{\epsilon}\omicron\varsigma$, $\nu\epsilon\omicron\tau\omicron\epsilon\phi\acute{\eta}\varsigma$ / $\tau\omicron\phi\acute{\eta}$, $\tau\omicron\phi\acute{\omicron}\varsigma$; $\lambda\alpha\mu\beta\acute{\alpha}\nu\omega \rightarrow \lambda\acute{\eta}\mu\mu\alpha$, $\lambda\eta\pi\tau\acute{\omicron}\varsigma$ / $\lambda\alpha\beta\acute{\eta}$, $\acute{\epsilon}\rho\gamma\omicron\lambda\alpha\beta\acute{\omicron}\varsigma$, $\acute{\epsilon}\nu\lambda\alpha\beta\acute{\eta}\varsigma$; $\sigma\pi\acute{\epsilon}\acute{\iota}\rho\omega \rightarrow \sigma\pi\acute{\epsilon}\rho\mu\alpha$, $\sigma\pi\alpha\rho\tau\acute{\omicron}\varsigma$, $\pi\omicron\lambda\upsilon\sigma\pi\epsilon\rho\acute{\eta}\varsigma$ / $\delta\iota\alpha\sigma\pi\omicron\rho\acute{\alpha}$, $\acute{\alpha}\sigma\pi\omicron\rho\omicron\varsigma$.

Сравнение структуры отдельных подсистем в рамках единой морфонологической системы древнегреческого языка выявляет ведущую роль глагольной морфонологии в сравнении с именной, словоизменительной в сравнении со словообразовательной, вокальной в сравнении с консонантной и линейной, а также наибольшую структурную сложность и иерархичность вокального компонента словоизменительной глагольной морфонологии.

Глава 3 «Морфонологическая система новогреческого языка»

Анализ материала позволил установить, что морфонологические явления в новогреческом языке носят системный характер только в сфере глагольного словоизменения. Морфонология является сопутствующим (при решающем значении

аффиксов) средством выражения грамматических значений вида (оппозиция «презентс / аорист») и залога (оппозиция «актив / пассив»). Система морфонологических позиций в вокализме и в консонантизме одинакова: презентс / аорист активного залога / аорист пассивного залога.

Вокальная морфонология представляет собой систему, содержащую 4 модели, репрезентируемые 15-ю альтернативными рядами. Зависимость между происхождением альтернативных рядов и их принадлежностью к той или иной модели отсутствует. Данная система в основных чертах сформировалась ранее новогреческого периода. Примеры: [e/i] νέμω, ἐνεμήθην / ἔνευμα (1); [a/i] λαμβάινω, ἔλαβα / ἐλήφθην (2); [e/i/a] δέριω / ἔδριρα / ἐδάρθην (3); [a/i] δάκνω / ἔδηξα, ἐδήχτην (4).

Консонантная морфонология является совокупностью относительно регулярных чередований; лексическая база ее выражается в классах конечных согласных корня (или их сочетаний). Данная система реализуется 8-ю трехчленными альтернативными рядами, следующими одной модели распределения альтернантов. Примеры: πείθω / ἔπεισα / πείστηκα; πλέκω / ἔπλεξα / πλέχτηκα; κρύβω / ἔκρυψα / κρύφτηκα. Формирование базовых фонетических черт данной системы так же, как и вокальной, относится к доновогреческому периоду, однако структура отражает особенности новогреческой грамматики.

Линейное варьирование глагольных основ в новогреческом языке не только поддерживает традиционные для греческой морфонологии видовую и залоговую оппозиции, но и способствует расширению грамматической базы за счет временного противопоставления «презентс / имперфект», которое связано с наращением γ в имперфекте «стяженных» глаголов (ακούω / άκουγα). Из проанализированных в данном разделе явлений только усечение ν и наращение σ восходят к древнегреческому периоду (χάνω / ἔχασα / χάθηκα; κλίνω, ἔκλινα / ἐκλίθην). Большинство процессов, сформировавших новогреческую линейную морфонологию, носит инновационный характер. Таковы регулярные вокально-консонантные чередования с участием дифтонгов (δουλεύω / δούλεψα; παύω / ἔπαψα; καίω / ἔκαψα / κάηκα; κλαίω / ἔκλαψα / κλαύτηκα), вокальные и вокально-консонантные наращения аористных основ у глаголов 2-го спряжения (αφαιρώ / αφαιρέσα, αφαιρέθηκα, γελώ / γέλασα, γελάστηκα, βαστώ / βάσταξα, βαστάχτηκα).

Глава 4 «Морфонологическая система латинского языка»

Структурированными компонентами латинской морфонологии являются глагольный и именной словоизменяющий вокализм. Глагольная морфонология обладает большим количеством морфонологических моделей и репрезентирующих их альтернативных рядов, чем именная.

Морфонологическими средствами в латинском языке могут быть выражены глагольные категории вида (инфект / перфект) и субстантивности (спрягаемые формы / супин) и именная категория падежа (Nom. sing. / остальные формы). Диахроническую основу латинской морфонологии составляют модифицированный индоевропейский количественный аблаут и собственно латинские фонетические процессы, из которых преобладает изменение гласных в срединных слогах.

В области глагольного словоизменения латинская морфонология имеет систему из четырех моделей, которая базируется на противопоставлении трех типобразующих позиций: инфекта, перфекта и супина. Каждая модель представлена несколькими альтернативными рядами (всего – 20 рядов). Примеры: *capio, captum / cepi* (1); *pello / pepuli, pulsum* (2); *colo, colui / cultum* (3); *sĕro / sĕvi / satum* (4). По количеству альтернативных рядов и глагольных корней преобладает модель «инфект / перфект + супин». Основным морфонологическим средством являются вокальные чередования. Морфонологические признаки могут быть положены в основу классификации латинских глаголов 3-го спряжения.

Система морфонологических моделей глагольного словоизменения коррелирует с составом словообразовательных вокальных чередований и с производностью / непроизводностью глагола. Для словоизменения префиксальных глаголов базовыми являются чередования *e/i* и *a/i*, отражающие процессы сужения гласных в неначальных слогах, каковыми становятся корни после присоединения приставок. Уникальную особенность латинской морфонологии составляет возможность отнесения бесприставочного глагола и его приставочных производных к разным морфонологическим моделям. Примеры: *capio, captum / cepi* (1) → *recipio / recepi, receptum* (2); *tango, tactum / tetigi* (1) → *attingo, attingi / attingitum* (3); *ago, actum / egi* (1) → *abigo / abegi / abactum* (4).

В области именного словоизменения функционирует одна морфонологическая модель, противопоставляющая основу Nom. sing. основе остальных форм парадигмы. Она представлена 12-ю альтернативными рядами. Морфонологически маркированными являются в латинском языке имена «согласного» типа 3-го склонения. Примеры: *apex / apicis, flos / floris, pulmo / pulmonis*.

Суффиксальная деривация и словосложение не имеют специфических морфонологических средств. Для отглагольного и отыменного словообразования характерна закрепленность той или иной парадигматической основы (супина, инфекта или корня в системе глагола, номинатива или генитива в системе имени) за определенным словообразовательным типом. Например, отглагольные существительные на *-io* образуются от основы супина, на *-mentum* – от основы инфекта: *medicor, avi, atum, are* → medicatio, medicamentum.

Глава 5 «Морфонологические системы в глагольном словоизменении»

Состав грамматических категорий глагола, могущих получать морфонологическое выражение, различен в языках разных исследованных групп. Минимальную грамматическую базу глагольной морфонологии составляют, можно полагать, пары категорий «вид, время» и «залог, субстантивность», члены которых получают обязательную морфонологическую маркировку в большинстве компонентов всех морфонологических систем. Периферийными для глагольной морфонологии являются грамматические категории числа, лица, наклонения и рода. Каждая из них релевантна лишь в части языков. Германские и славянские языки маркируют категории времени и субстантивности, а славянские в рамках отдельных значений данных категорий могут маркировать оппозиции по категориям лица-числа, рода, залога. Например, англ. *sing* (Present simple) / *sang* (Past simple); поль.

boję się (наст. вр.) / *bał się* (прош. вр.); англ. *sang* (Past simple) / *sung* (Past participle); русск. *жег* (прош. вр.) / *жженный* (страд. прич. прош. вр.); русск. *жѐг* (м.р.) / *жгла* (ж.р.), *жгли* (мн.ч.); поль. *potogła* (ж.р.), *potogły* (мн.ч. ж.р.), *potogli* (мн.ч. м.р.) / *potógł* (м.р.). В греческой и латинской глагольной морфонологии центральное место занимает категория вида. Например, лат. *ago* (инфект) / *egi* (перфект); древнегреч. *λείπω* (презенс) / *ἔλιπον* (аорист) / *λέλοιπα* (перфект 2); новогр. *κρύβω* (презенс) / *ἔκρυψα* (аорист активного залога) / *κρύφτηκα* (аорист пассивного залога).

Объем морфонологических систем, функционирующих в глагольном словоизменении, вероятно, коррелирует с генеалогической принадлежностью языков, но не полностью определяется ею. Языки германской группы и латинский обладают однокомпонентными вокальными системами, языки славянской группы, древнегреческий и новогреческий – поликомпонентными (за исключением консонантной болгарской системы и славянских языков, утративших глагольную морфонологию). Современным романским языкам свойственны разные типы морфонологических явлений (вокальные, консонантные, линейные), однако системность их не является бесспорной.

Рассмотрим подробнее вокальную морфонологию изучаемых языков. Поскольку морфонологическое моделирование во многом определяется отношениями в системе морфонологических позиций, следует обратить внимание на свойства позиций в разных языках. В германских, новогреческом и латинском морфонологические позиции не образуют синхронной иерархии, тогда как в древнегреческом и славянских каждая позиция может быть охарактеризована по нескольким признакам, что существенно усложняет структуру системы в целом. В древнегреческом языке дифференциальными признаками морфонологических позиций являются: типобразующая / примыкающая функция, постоянный / переменный статус, интегрированность / автономия. В русском и польском языках все морфонологические позиции различаются только по признаку «типобразующая / примыкающая». Русский язык обладает, кроме того, двумя относительно автономными позициями (повелит. накл., инфинитив).

Характеристики вокальных компонентов исследованных морфонологических систем представлены в таблице 1, возможная на их основе классификация – в таблице 2.

В большинстве изучаемых систем наблюдается явление морфонологической нейтрализации. Анализ материала показал, что оппозиции гласных фонем в морфонологии обычно подвергаются нейтрализации одновременно по нескольким ДП (ряд, подъем и т.д.), результат пересечения альтернативных рядов, как правило, не совпадает ни с одним из противопоставленных альтернантов. Примеры: *внемлю / внял, обниму / обнял; пою / пел, сяду / сел* (русский), *egi / ago, tetigi / tango* (латинский), *hauen / hieb, rufen / rief, bieten / bot, heben / hob* (немецкий); *choose / chose, speak / spoke; buy / bought, bite / bit, strike / struck, shine / shone, lie / lay* (английский); *ἔγδαρα / γδέρω, ἔγυρα / γέρω, ἔστειλα / στέλω* (новогреческий); *baug / bugun, band / bundun* (готский). Самой редкой в проанализированном материале оказалась нейтрализация количественных различий, представленная только древнегреческой парой ϵ/η (например, *κλέπτω / ἐκλάπην, πλήττω /*

ἐξεπλάγην). Если нейтрализующиеся альтернативные ряды состоят более чем из двух членов, возможна нейтрализация в нескольких морфонологических позициях. Например, *heben / hob / höbe*, *saugen / sog / söge* (немецкий).

Таб. 1. Характеристики вокальных морфонологических систем

параметры характеристики систем	языки							
	гот.	нем.	англ.	рус.	поль.	дргр.	нгр.	лат.
количество позиций	4	5	3	5	7	6	3	3
количество моделей	4	11	3	6	10	12	4	4
количество морфонологически релевантных грамматических категорий	3	4	2	4	5	3	2	2
наличие иерархии	-	+	-	+	+	+	-	-

Таб. 2. Классификация вокальных морфонологических систем

параметры характеристики систем	языки					
	англ., лат.	нгр.	дргр.	рус., нем.	поль.	гот.
иерархичность	-		+		+	-
типизированность	высокая >4.0		средняя 2.5		низкая <1.5	
нейтрализуемость	высокая >0.6		высокая >0.6		низкая <0.3	
чередующесть	средняя 0.8		низкая <0.8		высокая >0.8	

Таб. 3. Характеристики консонантных морфонологических систем

параметры характеристики систем	языки					
	прасл.	рус.	поль.	болг.	дргр.	нгр.
количество позиций	4	7	6	5	3	3
количество моделей	2	6	3	5	4	1
количество морфонологически релевантных грамматических категорий	5	5	5	6	3	2
наличие иерархии	-	+	+	+	-	-

Таб. 4. Классификация консонантных морфонологических систем

параметры характеристики систем	языки			
	нгр.	дргр.	болг.	рус., поль.
иерархичность	-		+	
типизированность	высокая >8.0		низкая <6.0	
нейтрализуемость	высокая >0.8		низкая 0.2	
чередующесть	низкая <0.7		высокая >0.8	

Консонантную морфонологию имеют не все анализируемые языки. Несомненно ее отсутствие в германских и наличие в славянских и обоих хронологических срезах греческого. Вопрос о системной консонантной морфонологии в современных романских языках остается предметом дискуссий. Свойством консонантных морфонологических систем, отличающим их от систем вокальных, является, по-видимому, то, что лексическая база большинства альтернатив может быть представлена не исчерпывающим списком, а указанием на формальные особенности глагольных основ или на принадлежность глагола к определенному морфологическому классу. Специфика консонантных морфонологических систем разных языков отражена в таблице 3, структурная классификация – в таблице 4.

Анализ фонетического субстрата морфонологических моделей разных языков позволяет наглядно увидеть принципиальное отличие греческого языка от славянских. Греческая морфонология сформирована преимущественно процессами аспирации, тогда как славянская – процессами смягчения. Переходное смягчение (йотация), имевшее место в истории греческого языка, затронуло ограниченное число фонемных классов, в новогреческий период часть соответствующих чередований была утрачена. В славянских языках процессы смягчения представлены весьма широко, причем в болгарской морфонологии преобладает непременное смягчение, в русской и польской задействованы оба типа в равной мере. Примеры греческой аспирации: ἐβλάβην / βέβλαφα, ἦαυον / ἦχα; йотации: ἐκλάπην / κλέπτω, ἦρπάγην / ἄρπάζω, ἐτάγην / τάσσω. Славянские примеры: *плача* / *плаках*; *пиша* / *писал*; *неса* / *несал* (болг.); *piszę* / *писаć*; *bioreę* / *bierzesz*; *skacze* / *skakać*; *pośle* / *posłałem*; *śpię* / *spiałem* (поль.); *разломлю* / *разломил*; *разбужу* / *разбудит*; *спрячу* / *спрятал*; *свяжу* / *связал*; *жду* / *ждёт*; *зову* / *зовёт*; *несу* / *несёт* (русс.).

Большинство проанализированных языков проявляет единообразие в способности фонологических ДП к морфонологической нейтрализации: нейтрализуются оппозиции по месту образования и способу образования (кроме болгарского языка), не нейтрализуется оппозиция по глухости / звонкости. Примеры: βλάπτω / ἐβλάβην / βέβλαφα и κρύπτω / ἐκρύφην / κέκρυφα, *брехатъ* / *брешу* и *писатъ* / *пишу*, *czesac* / *czesze* и *skakać* / *skacze*. Различия между языками касаются особенностей нейтрализации ДП «твердость / мягкость». В древне- и новогреческом, а также праславянском языках данный ДП отсутствует в фонологической системе, в русском и польском присутствует и способен нейтрализоваться на уровне морфонологии, в болгарском присутствует в фонологии, но не нейтрализуется в морфонологии (парные твердая и мягкая согласные фонемы входят в один альтернативный ряд). Примеры: *терпеть* / *терпит* / *терплю*, *спать* / *спит* / *сплю*; *czesac* / *czesze*, *prosić* / *prosze*.

Линейные морфонологические процессы, как и консонантные чередования, имеют место в греческом и славянских языках. Фонологическая база линейной морфонологии, не представляющей собой системы фонем, может быть определена как минимальная или расширенная. Минимальной фонологической базой, т.е. явлениями, засвидетельствованными во всех языках, следует признать наличие

одно- или двухфонемных усечений (наращений) основы, расширенной – появление таких процессов, как метатеза, инфиксация или мена полифонемных сегментов. Фонологическая база древнегреческой системы выходит за рамки минимальной. Примеры: λαμβάνω / ἔλαβον (инфиксация), μάχομαι / ἐμαχεσάμην, μεμάχημαι (наращение). Новогреческая линейная морфонология также неиерархична и имеет расширенную фонологическую базу. Примеры: παύω / ἔπαυσα (вокально-консонантные альтернации), χάνω / ἔχασα / χάθηκα (усечение). Основная грамматическая категория, маркируемая в греческом языке линейными морфонологическими средствами, – «вид» (презентс / аорист). Линейная морфонология славянских языков характеризуется структурным единообразием: все проанализированные системы неиерархичны, фонологическую базу их формируют преимущественно явления усечения (наращения), грамматическая значимость морфонологии сводится к маркированию категорий времени и субстантивности (причастия). Примеры: русск. *играл / играю*; поль. *rwał / rwię*; болг. *писах, пишех / пиша*. Польская линейная морфонология характеризуется расширением грамматической базы за счет маркированности категории наклонения: *pić / piję, pij*, но *znawać, znawaj / znaję*. Болгарская система, в отличие от русской и польской, имеет минимальную фонологическую базу, не используя такой тип преобразования основы, как мена финалей. Примеры: русск. *рисовал / рисую*; поль. *oczesciwał / oczesciję*; болг. *рисувам, рисуваши*. Характеристики линейной морфонологии исследованных нами языков даны в таблице 5.

Таб. 5. Характеристики линейных морфонологических систем

параметры характеристики систем	языки			
	прасл., рус.	поль.	болг.	дргр., нгр.
фонологическая база	расширенная		минимальная	расширенная
типизированность	высокая >2.5	средняя 2.0		низкая <1.7

Как свидетельствуют данные приведенных таблиц, структурные классы исследованных морфонологических систем в целом, выделяемые по критериям иерархичности и типизированности, не отражают генеалогической принадлежности языков. Структурно противопоставленными являются группы «**английский, новогреческий**» (возможно, также латинский), и «**русский, польский**» (возможно, также немецкий). Первая группа включает неиерархичные системы с высокой степенью типизации и минимальной грамматической базой, вторая, напротив, слабо типизированные иерархичные системы с расширенной грамматической базой. Отдельные компоненты морфонологических систем остальных исследованных языков могут занимать разное место в структурных классификациях.

Глава 6 «Морфонологические системы в именном словоизменении»

Минимальную грамматическую базу именной морфонологии составляют категории числа и падежа, в большинстве языков выражаемые совместно (единым набором аффиксов). В языках германской группы грамматическая база морфонологии, как правило, сужена за счет отсутствия морфонологической маркировки категории падежа и существенной редукции падежной системы в морфологии. Например, англ. *mouse* (ед.ч.) / *mice* (мн.ч.), нем. *bank* (ед.ч.) / *bänke* (мн.ч.). Большинство славянских языков, напротив, имеет грамматическую базу,

расширенную за счет апеллятивности и ряда новых морфологических категорий имени. Например, болг. *вятър* (неопр. ф. ед.ч.) / *ветре* (зв. ф.), *метър* (неопр. ф. ед.ч.) / *метра* (счет. ф.), *бивол* (неопр. ф. ед.ч.) / *биволя* (соби́р. ф.); поль. *kwiat* (им. п. ед.ч.) / *kwiecie* (зв. п. ед.ч.); укр. *друг* (им. п. ед.ч.) / *друже* (зв. п. ед.ч.). Таким образом, можно констатировать, что грамматическая база именной морфонологии в основных чертах определяется набором морфологических категорий имени в каждом из языков.

В вокальной морфонологии наблюдается практически полная идентичность позиционных наборов и системного статуса каждой из морфонологических позиций во всех рассмотренных нами славянских языках, имеющих склонение, кроме польского. Сравнение перечней конкретных морфонологических моделей дает аналогичный результат. Так, модели «Им.п. ед.ч. / остальные формы парадигмы» и «Р.п. мн.ч. / остальные формы парадигмы» имеются во всех языках, включая польский и лужицкий, а модель «ед.ч. / мн.ч.» является общей для русского, украинского и чешского. Примеры: русск. *осёл* / *ослом*, *ослы*, *ослов* и т.д., *колец* / *кольцо*, *кольцом*, *кольца* и т.д., *дно*, *дном* / *донья* и т.д.; укр. *гребінь* / *гребеня* и т.д., *борід* / *борода* и т.д., *дно* / *дена* и т.д.; поль. *mąż* / *męża*; *owiec* / *owca*. Возникновение данных морфонологических оппозиций непосредственно обусловлено фонетическими факторами: общеславянскими процессами падения и прояснения редуцированных. Специфику польской морфонологии составляет широкое распространение оппозиции основы местного падежа единственного числа основе остальных форм парадигмы, обусловленное фонетическим процессом преобразования гласных в позиции между мягкими согласными ($a > e$, $o > e$: *lato* / *lecie*, *aniół* / *anieli*).

Большинство германских языков, включая немецкий и английский, по данным Е.С. Кубряковой и Ю.Г. Панкраца, демонстрируют одну морфонологическую модель, в которой все формы единственного числа противопоставлены всем формам множественного числа (примеры см. выше).

В древнегреческом и латинском языках, по нашим данным, доминирует модель «Nom.sg. / Gen.sg. с большинством форм парадигмы». Примеры: древнегреч. $\rho\acute{\eta}\tau\omega\rho$ (Nom. sg.) / $\rho\acute{\eta}\tau\omicron\rho$ (Voc. sg.), $\rho\acute{\eta}\tau\omicron\rho\alpha$ (Acc. sg.), $\rho\acute{\eta}\tau\omicron\rho\omicron\varsigma$ (Gen. sg.); лат. *nomēn* (Nom. sg.) / *nomimis* (Gen. sg.), *nomina* (Nom. pl.). В новогреческом языке, по данным грамматик и словарей, осуществилось выравнивание именных основ по генитивному варианту. Примеры форм Nom. sg.: $\acute{\epsilon}\phi\epsilon\mu\epsilon\rho\acute{\iota}\delta\alpha$ (вместо $\acute{\epsilon}\phi\epsilon\mu\epsilon\rho\acute{\iota}\varsigma$), $\gamma\acute{\epsilon}\rho\omicron\tau\alpha\varsigma$ (вместо $\gamma\acute{\epsilon}\rho\omega\upsilon\upsilon$), $\gamma\upsilon\upsilon\alpha\acute{\iota}\kappa\alpha$ (вместо $\gamma\upsilon\upsilon\acute{\eta}$), $\rho\alpha\tau\acute{\epsilon}\rho\alpha\varsigma$ (вместо $\rho\alpha\tau\acute{\eta}\rho$) и т.п.

В основание структурной классификации проанализированных вокальных морфонологических систем целесообразно положить наличие иерархии и количество морфонологических моделей, обратно пропорциональное степени типизированности системы. Основная группировка систем: 1) иерархичные полимодельные, преимущественно слабо (<3.5) типизированные (русская, украинская, польская, чешская, готская); 2) неиерархичные полимодельные слабо (<2.0) типизированные (древнегреческая, исландская, болгарская); 3) неиерархичные мономодельные высокотипизированные (>4.0) (английская, немецкая, латинская).

Консонантная морфонология присуща только славянским языкам и характеризуется в них общностью фонологического субстрата (переходное смягчение заднеязычных во всех языках, кроме русского, и непеходное смягчение согласных остальных фонологических классов). Несколько отличается от других болгарский язык, имеющий морфонологию, в которой фонологические ресурсы языка задействованы слабо (чередующесть составляет 0.4, альтернируют преимущественно заднеязычные). Что касается наборов конкретных морфонологических моделей и способов их фонологической репрезентации, то здесь также отчетливо проявляется единство славянских языков. В качестве ядерной для славянской морфонологии выступает модель, противопоставляющая предложный (местный) падеж единственного числа остальным формам парадигмы. Она представлена наибольшим количеством альтернативных рядов, в которых задействованы согласные всех фонологических классов (в праславянском и украинском только заднеязычные). Примеры: поль. *drzewo / drzewie*; укр. *goroci / gorix*; русск. *на стол[л']е / стол*. Все языки, кроме праславянского и украинского, имеют также морфонологические модели, противопоставляющие все формы единственного числа всем формам множественного числа. Ни в одной системе, кроме болгарской, данная модель не занимает центрального места. Примеры: поль. *ziela / ziola*; русск. *време[н']и / времена*; болг. *око / очи*. Все языки, имеющие в грамматической системе звательный падеж, обладают моделями, в которых данная форма выступает как морфонологически маркированная. Модели данного типа реализуются, как правило, небольшим количеством альтернативных рядов. Примеры: поль. *chłopiec / chłopcze*; укр. *ворог / вороже / ворозі*; болг. *внук, внуко / внуци / внуче*. Квантитативный анализ показал большое разнообразие значений собственно системных параметров. Вероятно, на данном участке морфонологические системы славянских языков образуют единство, не поддающееся классификации.

В области линейной морфонологии общей для современных славянских языков является модель «ед.ч. / мн.ч.». Примеры: русск. *господин / господа*; укр. *хозяїн / хозяйі*; поль. *niebo / niebiosa*; болг. *жребе / жребета*. К праславянскому восходит модель «им.п. (+ в., зв.п.) ед.ч. / остальные формы парадигмы». Примеры: праслав. *katu / katene*; поль. *imię / imienia, imiona*; укр. *ім'я / імені*. Последняя модель распространена и за пределами славянских языков (в греческом и латинском). Примеры: древнегр. *δóρυ / δóρατος*; новогреч. *υράψιμο / υράψιματος*; лат. *pulmo / pulmonis*. Во всех приведенных примерах мы имеем дело с именами индоевропейского «согласного» склонения. Исключение составляет новогреческий, в котором данная модель приобрела регулярность под действием грамматической аналогии.

В линейной морфонологии, как и в вокальной, основными критериями классификации систем являются иерархичность структуры и количество морфонологических моделей. Однако структурная иерархия сочетается здесь с расширенной фонологической базой, а зависимость между количеством морфонологических моделей и типизированностью системы прямо, а не обратно пропорциональна. В результате выделяется два основных класса систем: 1) иерархичные «расширенные» полимодельные с высокой (3.0) или средней (1.4)

типизированностью (русская, украинская, древнегреческая); 2) неиерархичные «минимальные» мономодельные с низкой (1.0) типизированностью (латинская, готская, новогреческая), к которым примыкает высокотипизированная праславянская. Промежуточное положение занимают болгарская («расширенная» полимодельная, но неиерархичная) и польская (неиерархичная «минимальная», но полимодельная) системы с относительно высокой (2.9 и 1.7) типизированностью.

Морфонологические системы в целом могут быть монокомпонентными и поликомпонентными. Как показал анализ материала, все монокомпонентные системы сходны в плане структуры: они неиерархичны, имеют минимальную фонологическую и минимальную грамматическую базу, содержат, как правило, только вокальный компонент. К их числу относятся системы всех германских языков, а также новогреческого и, вероятно, латинского. Для поликомпонентных (древнегреческая, большинство славянских) систем характерны определенные взаимоотношения между компонентами: обязательность вокальной морфонологии, доминантность консонантной и рецессивность линейной. Доминантный характер консонантной морфонологии заключается в высокой степени типизации и регулярности составляющих ее чередований, в возможности определения ее лексической базы указанием на фонологический тип конечного согласного основы. Типизированность консонантного компонента славянских морфонологических систем составляет от 3.7 в болгарском языке до 7.0 в нижнелужицком, тогда как вокального – от 1.7 в русском языке до 3.9 в украинском. Рецессивность линейного компонента проявляется слабой степенью его типизации и наличием меньшего количества морфонологических моделей, чем в вокальной и консонантной морфонологии. Так, в русском языке имеется 6 вокальных морфонологических моделей, 8 консонантных и 3 линейных, в украинском, соответственно, – 7, 18 и 5, в польском – 7, 15 и 3, в древнегреческом – 10, 0 и 6.

Предложенные в данной главе классификации морфонологических систем не совпадают с теми, которые могут быть построены на основании учета только особенностей фонологического субстрата и соотношения морфонологических систем с грамматическими. Они не являются также отражением генеалогической принадлежности языков.

Глава 7 «Диахрония морфонологических систем»

Глава состоит из двух частей, посвященных условно выделяемым этапам эволюции. Ранним этапом считаем переход от общеиндоевропейской морфонологии к морфонологии праязыков отдельных групп индоевропейской семьи, поздним - от праязыков к современным языкам.

Раздел 7.1. «Ранний этап эволюции морфонологических систем»

Морфонология как система фонетических средств выражения грамматических значений возникла, по-видимому, еще в общеиндоевропейскую эпоху. Уже в праязыках отдельных групп индоевропейской семьи исследователями фиксируются хорошо развитые системы звуковых чередований, не обусловленных фонетическими факторами.

Глагольная категория «вид-время», в индоевропейском языке нерасчлененная (оппозиция «презенс / аорист / перфект») и маркируемая чередованиями по аблауту,

ни в одном из рассмотренных языков не сохраняется в неизменном виде. В готском, в связи с формированием единого претерита, морфонологическая значимость сохраняется за категорией времени, выражаемой, по-прежнему, аблаутными чередованиями. В латинском, напротив, морфонологически релевантной становится видовая оппозиция (инфект / перфект), причем наряду с количественным аблаутом широко используются инновационные чередования, вызванные преобразованиями гласных в неначальных слогах. Примеры: лат. *ĕto / ĕmi, pello / pepuli, accipio / accepi, caedo / cecidi*, гот. *bindan / band*.

В древнегреческом наблюдается не только грамматическая, но и морфонологическая дифференциация категорий вида и времени. Оппозиция «презенс / аорист / перфект» репрезентируется, в основном, рефлексам индоевропейского аблаута и инновационными консонантными чередованиями – результатами процессов аспирации в перфекте 2 и йотации в презенсе. Примеры: *λείπω / ἔλιπον / λέλοιπα, λαμβάνω / εἴληφα, ἐτάγην / τάσσω*. В рамках презентного вида формируется оппозиция «презенс / футурум I», связанная с морфонологическим закреплением результатов заместительного удлинения и йотации. Примеры: *σπένδω / σπείσω, σπερῶ / σπείρω, σφαλῶ / σφάλλω*. Данная оппозиция поддерживается также наращением ε(η) в глаголах VII класса: *ἄχθομαι / ἀχθέσομαι*.

В праславянском значимость оппозиции «презенс / аорист» уменьшается (преобладают аористы, не знающие корневых чередований в пределах парадигмы). Оппозиция «система презенса / система инфинитива (включая перфект)» начинает связываться прежде всего с линейными морфонологическими характеристиками глагольной основы, которые могут сопровождаться консонантными или вокальными чередованиями. Примеры: *vedō / věsь, bodō / basь* при *padō, padь, tьrō, tьrěxь; berō / bьrati, pišō / pisati, znajō / znati, mljō / mlěti*.

В системах индоевропейского аориста и перфекта формы единственного числа активного залога могли противопоставляться остальной ступенью аблаута, поэтому категории числа и залога также можно отнести к морфонологически релевантным. Данные противопоставления частично сохраняются в древнегреческом и готском. Так, древнегреческий перфект может иметь сильные формы только в активном залоге (*λέλοιπα / λέλειμμαi*), активные и пассивные формы аориста могут противопоставляться чередованием *ν/∅* (*ἔκλινα / ἐκλίθην*). В готском противопоставление по числу реализуется только в претерите: *staiǵ / stiǵun, bauǵ / buǵun, nam / nemun*. В то же время залоговые отношения получают новую морфонологическую значимость в связи с включением в глагольную парадигму имен с суффиксами *-*to* и *-*no*, положивших начало категории страдательных причастий прошедшего времени. В готском данные образования вошли в систему аблаутных рядов, в праславянском маркировались инновационными консонантными чередованиями. В латинском средства противопоставления основ инфекта и супина особенно разнообразны. Таким образом, можно полагать, что в ряде языков морфонологическую значимость получила категория субстантивности («причастности»). Примеры: гот. *niman / numans, steiǵan / stiǵans, bindan / bundans*; лат. *sterno / stratum, gigno / genitum, pello / pulsum, colo / cultum, sĕro / satum*; праслав. *dvigati / diviženь*.

Специфика праславянского языка заключается в том, что инновационные для морфонологии консонантные чередования (рефлексы йотации и палатализаций) маркируют совместно выражаемые глагольные категории числа и лица, противопоставляя формы 1 л. ед.ч. и 3 л. мн.ч. остальным формам презентной парадигмы: *běgō / běžiši, sьrjō / sьriši*.

В системе имени морфонологической значимостью обладают оппозиции падежных форм, которые могут сопровождаться чередованиями. Чередование корневого гласного, противопоставляющее основы «сильных» и «слабых» падежей, встречается в основах на носовой и на -s, где оно и сохраняется в так или иначе преобразованном виде всеми исследованными языками. Примеры: лат. *nomen / nominis, genus / generis*, гот. *namo / namins*, праслав. *imę / imene, nebo / nebese*, древнегреч. *χελιδών / χελιδόνος, ὄνομα / ὀνόματος, γένος / γένους*.

Таким образом, ранний хронологический этап демонстрирует своеобразие развития морфонологии в каждом из проанализированных праязыков.

Индоевропейский → готский: морфонологическую значимость утрачивают глагольные категории залога и вида, приобретает категория субстантивности; фонологическим субстратом морфонологии продолжает оставаться аблаут, рефлексы которого преобразуются в соответствии с германскими фонетическими законами данного периода, развиваются единичные инновационные чередования.

Индоевропейский → латинский: из грамматических категорий глагола морфонологическую значимость сохраняет категория вида и приобретает категория субстантивности; аблаут как фонологический субстрат морфонологии редуцируется (представлен в незначительно числе лексем), основную функциональную нагрузку несут инновационные вокальные чередования.

Индоевропейский → древнегреческий: категории вида и времени получают отдельное морфонологическое выражение, морфонологическую релевантность утрачивает категория числа и сохраняет категория залога; приобретает морфонологическую значимость категория апеллятивности; фонологическая база морфонологии складывается из рефлексов аблаута, инновационных вокальных и консонантных чередований (последние приобретают системный характер), явлений линейного плана.

Индоевропейский → праславянский: морфонологическая нерасчлененность категории «вид-время» сохраняется, релевантность категории залога ограничивается субстантивными формами, в рамках категории числа приобретают значимость оппозиции по категории лица; приобретает морфонологическую значимость категория апеллятивности; фонологический субстрат морфонологии становится из вокального консонантным (утрачен индоевропейский аблаут, на морфонологическом уровне закрепились рефлексы палатализаций и йотации).

Раздел 7.2 «Поздний этап эволюции морфонологических систем»

7.2.1 «Греческий язык»

Морфонологическая система *греческого* языка в целом с течением времени 1) сократилась в объеме; 2) незначительно уменьшила грамматическую базу (утрачена релевантность категории времени и перфектного значения категории вида); 3) претерпела ограничение роли вокального компонента (утрачен в именной морфонологии, структурно упрощен, фонетически и лексически ограничен в глагольной).

Количество вокальных морфонологических моделей в глаголе сократилось за счет утраты малочастотных моделей. В новогреческом отсутствуют разновидности внутри морфонологических моделей, изменилась функциональная нагрузка моделей, общих для рассматриваемых хронологических срезов. Наблюдается общее сокращение количества альтернативных рядов в системе и ее лексической базы; разрушаются, главным образом, чередования, в основе которых лежат аблаутные отношения (утрачено 57% аблаутных альтернативных рядов и 36% собственно греческих, соответственно 60% и 48% глагольных корней).

В консонантной морфонологии количество морфонологических моделей также сократилось (с 4 до 1), однако лексическая база данного участка системы расширилась за счет регуляризации явлений, принадлежащих к рассматриваемой сфере. Одни чередования приобрели регулярность и продуктивность ($\nu/\emptyset$, упрощение групп согласных в аористе глаголов на $-\chi\nu$, $-\sigma\kappa$, $-\sigma\sigma$), другие (малочастотные) утрачены под действием грамматической аналогии ($\lambda\lambda/\lambda$).

Древнегреческая морфонология представляла собой развитую систему, практически не имевшую возможностей дальнейшего расширения. При нестабильности данной системы наиболее вероятным путем ее эволюции была редукция. Решающее влияние на эволюцию греческой морфонологии оказали грамматические факторы, в частности, унификация системы словоизменительных классов (как глагольных, так и именных).

7.2.2 «Германские языки»

В готском языке представлена однокомпонентная вокальная система (как в глаголе, так и в имени), что теоретически допускает разные варианты развития, однако германские языки реализуют только один из них – сохранение вокального характера морфонологии. Отсутствие линейной и консонантной морфонологии в имени компенсировалось переносом морфонологических явлений с фонологически (точнее, линейно) нестабильного конца основы в ее центральную часть (корневой гласный), в глаголе – усилением грамматических функций аблаута и присоединением к нему рефлексов собственно германских вокальных инноваций.

Грамматическая база готской морфонологии не была минимальной, поэтому допускала возможность как расширения, так и сокращения. Первый вариант реализован в немецком языке, второй – в английском. В обоих случаях «катализатором» системных изменений служат фонетические процессы конца слова. Рост омонимии и утрата флексий в немецком языке компенсируются включением в число морфонологически маркируемых грамматических категорий склонения и лица (сохранение полезных грамматических противопоставлений), в английском те же процессы ведут к утрате или ограничению системной роли самих грамматических категорий (именная категория падежа, глагольная категория числа). Немецкий пример: *birgt* (3 л. ед.ч. презенса индикатива) / *berge* (1 л. ед.ч. презенса индикатива), *bergen* (инфинитив, мн.ч. презенса индикатива) / *barg* (имперфект индикатива) / *börge* (имперфект конъюнктива) / *geborgen* (причастие II).

Лексическая база немецкой морфонологии носит стабильный характер и имеет тенденцию к регуляризации, т.к. постоянно «подпитывается» рефлексами фонетических инноваций, расщепляющими аблаутные альтернативные ряды или создающими новые, см. вышеприведенные пример. В английском языке круг

морфонологически маркируемых лексем (как имен, так и глаголов), напротив, сужается под действием процессов грамматической аналогии, параллельно усилению тенденции к аналитизму.

В целом среди исследованных германских языков исландский и немецкий развивают морфонологию, английский и остальные редуцируют. Первый эволюционный путь (*готский* → *исландский и немецкий*) заключается в усилении системной роли и усложнении структуры глагольной морфонологии и в перестройке именной морфонологии при отсутствии ее системной редукции. Второй эволюционный путь (*готский* → *английский*) характеризуется полной редукцией глагольной морфонологии и превращением ее в замкнутую систему, лишенную факторов дальнейшего развития; редукции именной морфонологии предшествует смена ее лексико-морфологической и фонологической базы. Перестройка германской именной морфонологии состояла в 1) переразложении именных форм вследствие фонетических процессов конца слова (утрата варьирования тематического гласного как элемента именной основы); 2) возникновении варьирования корневого гласного (закрепление на морфонологическом уровне результатов умлаута). В немецком и исландском языках последний процесс имеет широкую лексическую базу, в английском и остальных – значительно сократившуюся.

7.2.3 «Славянские языки»

В праславянском языке консонантная морфонология возникла под действием фонетических факторов: йотации переднеязычных и первой палатализации; источником формирования линейного компонента морфонологической системы явилось утверждение грамматической оппозиции подсистем настоящего времени и инфинитива (глагол) и «согласное» склонение (имя).

Языки, сохранившие глагольную консонантную морфонологию (русский, польский, болгарский), сохранили и ее содержательное наполнение: морфонологические средства используются в качестве сопутствующих для выражения грамматических оппозиций «презентс / перфект», «индикатив / императив», «1 л. ед.ч., 3 л. мн.ч. / остальные формы презентной парадигмы», «актив / пассив» в причастиях. Примеры: *разбужу, разбуженный / разбудит, разбуди, разбудил, разбудивший; chce, chcesz / chciałem, chciaj; biorę, brałem / bierzesz, bierz; нека, некох / печеш, печех, печен, пече* и т.д. В языках, развивших вокальную морфонологию (русский, польский), морфонологическую значимость получила также категория рода (в рамках прошедшего времени). Примеры: *толок / толкла; wióźł / wioźła*. Линейная морфонология утратила способность маркировать глагольную категорию лица-числа: во всех рассматриваемых современных славянских языках фиксируется переразложение основ настоящего времени и вхождение тематического гласного в состав флексий (впрочем, нельзя исключить возможность подобной трактовки и для праславянского состояния).

Сравнивая фонетический субстрат праславянской консонантной морфонологии с фонетической базой морфонологии современных славянских языков, в качестве диахронической тенденции констатируем развитие во всех языках чередований, основанных на непережном смягчении согласных разных фонологических классов. Примеры: *жду, ждал, ждут, неожиданный / ждѣт, жди; śpię, śpisz / spałem;*

неса, несен, несох / несях и т.д. Круг согласных, охваченных данными процессами, в польском языке шире, чем в русском и болгарском. Судьба рефлексов переходного смягчения сложилась различно. Русский язык сохранил их в полном объеме, болгарский частично утратил (например, в классе переднеязычных) под действием грамматической аналогии (случаи типа болгарских *следя, следих* и русских *слежу, следил* и т.п.), польский язык, напротив, развил переходное смягчение сонорного *r* (*biorę, brałem / bierziesz*).

Вокальная морфонология в русском и польском языках сформировалась, вероятно, в период самостоятельного развития каждого из них: фонетическим процессом, общим для русского и польского, является только дивергенция редуцированных (*жечь / жгу, biorę / brałem*). Рефлексация праславянских носовых в исследуемых языках различается (*обнять / обниму, zaprzęgnąć / zaprzągłem*). Фонетически сходный процесс *e > o* имел разные хронологические рамки и не вполне одинаковые условия в русском языке и в польском (*лечь / лёг, bierz / biorę*). По количеству сформированных альтернативных рядов для русской морфонологии самым значимым процессом было падение редуцированных, для польской – сужение гласного в закрытом слоге (*mogłem / móc*).

Изменение грамматической базы именной морфонологии (в тех языках, где оно имело место) отражает изменения в наборе грамматических категорий имени, тогда как морфонологическая нагрузка самих категорий остается прежней. Так, языки, сохранившие звательные формы, сохранили и их морфонологическую значимость (*chłopiec / chłopcze, ворог / вороже*); в языках, имеющих категорию падежа, данная категория также маркирована фонемными чередованиями (*woda / воде, drzewo / drzewie, gorix / goroci*). Вновь возникающие грамматические категории имени также получают морфонологическую маркировку (категория личности в польском, верхнелужицком, болгарском, категория определенности в болгарском). Примеры: *архаизъм / архаизмът; бивол, биволе, биволи, бивола / биволя*.

Праславянская именная морфонология содержала консонантный и линейный компоненты; основу первого составляло переходное смягчение заднеязычных (*rōka / rōcě*), второго – варьирование «согласных» основ (*mati / matere*). Грамматический фактор (аналогия, унификация системы склонения) во всех славянских языках привел к существенной редукции линейного компонента, главным образом со стороны его лексической базы. Фонетический фактор (процессы, связанные с судьбой «еров», и их следствия) положил начало возникновению вокальной морфонологии. В русском и болгарском данный системный компонент ограничивается явлением «беглого гласного». Западнославянским языкам и украинскому свойственны чередования, вызванные сужением гласного в новых закрытых слогах. Примеры: *пень / пни, рожь / ржи; pies / psa, kozioł / kozła; вятър / ветре, песен / песни* («беглый гласный»); *stół / stołu; міль / моли* (сужение в закрытом слоге). Названные чередования обусловили универсальность в рамках славянских языков морфонологических противопоставлений 1) основы Им.п. ед.ч. основе остальных форм парадигмы; 2) основы Р.п. мн.ч. основе остальных форм парадигмы. Фонологическая база сохранившейся во всех языках консонантной морфонологии существенно расширилась за счет развития непереходного смягчения согласных, а также за счет распространения переходного смягчения на согласные

других фонетических классов (польский язык). Примеры: *стол / на столе; конем / кинь; drzewo / drzewie; брат / брата* (непереходное смягчение); *wiara / wierze, chłopiec / chłopcze* (переходное смягчение). Исключение составляет болгарский язык, в котором морфонологические чередования характерны преимущественно для заднеязычных. Примеры: *внук / внуци / внуче, нога / нозе*.

Итак, проанализированные славянские языки по особенностям эволюции могут быть разделены на три группы, почти идентичные по составу в системе имени и в системе глагола. Перечислим основные особенности каждой эволюционной группы.

Праславянский → болгарский: 1) грамматическая база неизменна в глагольной морфонологии и трансформируется в именной; 2) фонологическая база консонантной морфонологии расширяется в глагольном компоненте и сохраняется неизменной в именном; 3) фонологическая база линейной морфонологии сужается в глагольном компоненте и расширяется в именном; 4) в именной морфонологии развивается вокальный компонент; 5) структура глагольной морфонологии усложняется.

Праславянский → русский, польский: 1) грамматическая база незначительно расширяется в глагольной морфонологии и почти неизменна в именной; 2) фонологическая база консонантной и линейной морфонологии расширяется; 3) формируется вокальный компонент глагольной и именной морфонологии; 4) структура всех компонентов системы усложняется.

Праславянский → чешский, лужицкий: 1) глагольная морфонология разрушается; 2) утрачивается линейный и формируется вокальный компонент именной морфонологии; 3) консонантная именная морфонология структурно усложняется и расширяет фонологическую базу.

7.2.4 «Романские языки»

Имеющийся в нашем распоряжении материал морфонологии современных романских языков относится преимущественно к глаголу, поэтому проследить эволюцию романской морфонологии возможно только в ее глагольном компоненте. Специфика существующих описаний ограничивает возможность получения результатов, полностью сопоставимых с результатами анализа морфонологии языков других генеалогических групп, поэтому достоверность предположений, выдвигаемых в данном разделе работы, нуждается в основательной проверке.

Итальянский и испанский языки демонстрируют один и тот же путь развития глагольной морфонологии. Разрушение латинских моделей вызвано в них как перестройкой фонологической системы, так и грамматическими факторами. Например, латинские глаголы с качественными вокальными чередованиями в итальянском и испанском языках либо вышли из употребления (*agere*), либо перешли в правильное спряжение (*capere, tangere*). Сохранение латинских чередований гласных наблюдается в единичных случаях, например, итал. *fare* (лат. *facere*) / *fecì*. Из консонантных чередований в латинском языке имели фонетическое происхождение и были регулярными только ротакистические, но они представлены в небольшом количестве глаголов (*gero / gessi, gestum*). В итальянском появляются чередования *sk / ſſ* ([*konósko*] / [*konóſſi*]), *g / dʒ* ([*dirigo*] / [*dirídʒi*]) и др. Инновационны также испанские вокальные чередования типа *juego / jugamos, pido / pedimos, miento / mintamos / menti*. Утрата «латинского наследия» сопряжена в

романских языках с возникновением не только новых чередований, но и новых моделей распределения альтернантов по формам парадигмы, с вовлечением в сферу морфонологии новых грамматических категорий. Процессы палатализации и дифтонгизации, с которыми преимущественно связано образование упомянутых чередований, обеспечили значимость для морфонологии грамматических категорий времени, лица и числа, т.к. привели к возникновению у презентных основ нескольких алломорфов. Однако морфонологические системы не приобрели при этом ни структурной иерархии (как современные славянские), ни высокой типизированности (как новогреческий и английский), чем даже у исследователей-романистов (например, [Costanzo 2011]) создают впечатление «фрагментарности» и тенденции к разрушению.

Раздел 7.3 «Эволюционные типы морфонологических систем»

В главе 1 нами была выдвинута гипотеза о том, что особенности эволюции морфонологических систем могут характеризоваться по нескольким параметрам, важнейшими из которых служат: развитие грамматической базы (расширение, сужение, сохранение без изменений); судьба компонентов фонологического субстрата, полученных из праязыка (утрата, сохранение, развитие инновационных процессов); формирование новых компонентов в фонологическом субстрате. В разделах 7.1 и 7.2 совокупность данных критериев была применена к системам конкретных языков, используемых в качестве материала нашего исследования. В результате удалось выделить эволюционные типы, представленные несколькими разновидностями каждый, см. таб. 6.

Таб. 6. Эволюционные типы морфонологических систем

параметры характеристики систем			тип эволюции	языки, компоненты
развитие праязыкового фонологического субстрата	формирование новых субстратных компонентов	развитие грамматической базы		
-	-	-, 0, +	утрата	романские _{V,N} , часть славянских _V
-	+	-	трансформация	болг. _N
-	+	0		нгр. _N
-	+	+		прасл. _{V,N} , болг. _N
+	-	-	редукция	англ. _{V,N} , большинство германских _{V,N} , нем. _N , лат. _V
+	-	0		нгр. _V , болг. _V
+	-	+	углубление	гот. _V , нем. _V , исл. _V , дргр. _N , лат. _V
+	+	-	расширение	рус. _N , болг. _N
+	+	0		лат. _N , гот. _N , дргр. _V , часть славянских _N
+	+	+		болг. _N , рус. _V , поль. _{V,N}

Примечание. В таблицах 6, 7 и 8 глагольную морфонологию обозначаем V, именную – N.

Представленные в таблице разновидности трансформации отражают специфику эволюции материальной стороны морфонологии. Трансформацией функциональной нагрузки следует считать утрату чередований тематического гласного и возникновение чередований в корне (именная морфонология германских языков). Как трансформацию грамматической базы можно трактовать утрату морфонологической релевантности одними категориями и приобретение другими. Например, утрата болгарским именем склонения компенсировалась развитием категорий счетности, определенности, собирательности; утрата морфонологической маркировки глагольных категорий времени, числа, залога в латинском языке частично компенсировалась развитием морфонологической значимости супина. В этом случае возможно выделение смешанных эволюционных типов.

Полученные эволюционные типы определенным образом соотносятся с выделенными хронологическими этапами. На раннем этапе преобладают «развивающие» типы – углубление (готский, латинский) и расширение (греческий), тогда как утрата (романские, отдельные компоненты славянских) и редукция (новогреческий, английский) отмечаются только на позднем этапе.

В целом диахронический анализ позволяет выделить основные классы морфонологических систем, сходные по составу с синхронными: «английский (с большинством германских), *новогреческий*»; «*русский, польский*». Остальные изученные морфонологические системы демонстрируют эволюционную специфичность каждого из компонентов (глагол, имя).

В **заключении** сопоставлены результаты, полученные в каждой из частей работы, и подведены итоги исследования. Анализ материала ряда неблизкородственных языков подтвердил релевантность критериев иерархичности и типизированности в процессах типологических обобщений. Сочетание иерархичности и типизированности позволяет разделить морфонологические системы на 4 структурных класса, см. таб. 7.

Таб. 7. Структурные классы морфонологических систем

№ класса	параметры характеристики систем		языки, компоненты
	иерархия	типизированность	
1	-	высокая	англ. _{V,N} и др. германские _{V,N} , нем. _N , лат. _{V,N} , нгр. _V , прасл. _{V,N}
2	-	низкая	гот. _{V,N} , исл. _N , дргр. _{V,N} , нгр. _N , болг. _N , поль. _V
3	+	высокая	рус. _V , поль. _V , болг. _V
4	+	низкая	рус. _{V,N} , поль. _N , часть славянских _N , нем. _V , дргр. _V

Если представить совокупность морфонологических систем в виде некоего пространства, то в нем могут быть выделены два поля, пересекающиеся своими периферийными частями. Ядро первого поля составляют «минимальные» неиерархичные монокомпонентные системы (англ._{V,N} и другие германские_{V,N}, гот._V, лат._V, нгр._N), околядарную область – «минимальные» неиерархичные поликомпонентные (гот._N, лат._N, нгр._V, дргр._N). Ядро второго поля формируют «расширенные» иерархичные поликомпонентные системы (рус._V, поль._{V,N}, болг._V,

большинство славянских_N, дргр._v), околядерную зону – «расширенные» иерархичные монокомпонентные (нем._v). На периферии, обладающей признаками обоих полей, располагаются «расширенные» неиерархичные системы, преимущественно поликомпонентные (нем._N, прасл._{v,N}, болг._N, поль._v, дргр._v). «Базовыми» языками первого поля являются английский с большинством германских, латинский и новогреческий, второго – русский и польский, возможно, также немецкий. Древнегреческий язык специфичен в классификационном плане: его именная морфонология входит в ядро первого поля, глагольная – второго.

Анализ эволюции морфонологических систем (за исключением утраченных) позволяет выделить те же «базовые» группы языков, что и структурный анализ: с одной стороны, *английский* с большинством германских и *новогреческий*, с другой – *русский* и *польский*, к которым примыкают древнегреческий и немецкий (глагольная морфонология). Отсутствие близкого родства в первой паре языков и особенности исторического развития остальных систем свидетельствуют о том, что полученная нами группировка не имеет генеалогического основания. Соотношение синхронной и диахронической классификаций демонстрирует таблица 8.

Таб.8. Обобщенная классификация морфонологических систем

грамматическая база	иерархия	эволюционный тип	языки, компоненты
минимальная	-	углубление	дргр. _N , гот. _{v,N}
		редукция	англ. _{v,N} , большинство германских _{v,N} , лат. _N , нгр. _{v,N}
	+	расширение	рус. _N
расширенная	-	углубление	нем. _N
		трансформация	прасл. _{v,N}
		расширение	болг. _N , часть славянских _N , поль. _v , дргр. _v
	+		рус. _v , поль. _{v,N} , болг. _v , дргр. _v
		углубление	нем. _v

Таким образом, общность исторических судеб близкородственных языков, хотя и отражается определенным образом на фонологическом субстрате и грамматической базе морфонологии, не играет решающей роли в структуризации морфонологических систем и не оказывает решающего воздействия на пути их дальнейшего развития.

Работа содержит также

список источников материала,

список использованной литературы (529 названий),

приложения:

статьи «Морфонологическая парадигма глагола ἔχω» и «Фонетико-морфологическое варьирование терминологических элементов греческого происхождения в медицинской терминологии», демонстрирующие прикладное применение идей и методов диссертационного исследования;

указатели древнегреческих и латинских глаголов с морфонологически варьирующими основами; указатель таблиц;

списки сокращений.

Основные положения диссертации отражены в **ПУБЛИКАЦИЯХ**:

Монография:

1. Данилина Н. И. Морфонологические системы в синхронии и диахронии.- Саратов : ИЦ «Наука», 2011. 400 с.

Статьи в периодических изданиях из списка ВАК:

2. Данилина Н. И. Структура морфонологической системы древнегреческого языка // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Серия «Филология». 2009. № 2 (6). С. 16 – 20.

3. Данилина Н. И. Древнегреческая морфонология и германский аблаут: сопоставительный анализ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Лингвистика». 2009. № 6 (2). С. 211 – 216.

4. Данилина Н. И. Морфонология новогреческого глагола в диахронической перспективе // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2010. Т. 10. Серия Филология. Журналистика, вып. 3. С. 47 – 50.

5. Данилина Н. И. Актуальные проблемы сопоставительно-типологических исследований в морфонологии // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Серия «Гуманитарные науки, филология». 2010. № 3. С. 91 – 99.

6. Данилина Н. И. Сопоставительная морфонология глагольного словоизменения: консонантизм // Вестник Самарского государственного университета. 2010. № 5 (79). С. 134 – 139.

7. Данилина Н. И. Вокальные морфонологические системы в именном словоизменении // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2011. Т. 11. Серия Филология. Журналистика, вып. 1. С. 10 – 15.

8. Данилина Н. И. Славянская морфонология: эволюция системы // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Серия «Гуманитарные науки, филология». 2011. № 3 (19). С. 67 – 77.

9. Данилина Н. И. К вопросу о теории и практике сопоставительной морфонологии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Лингвистика». 2011. № 6 (2). С. 162 – 167.

Статьи в других изданиях:

10. Данилина Н. И. Фонетические чередования в основах латинского 3 склонения // Материалы 61-й научной конференции молодых ученых и студентов Саратовского государственного медицинского университета. Саратов : Изд-во Саратов. мед. ун-та, 2000. С.127 – 128.

11. Данилина Н. И. Глагол ἔχω: морфонологические аспекты // Античный мир и мы. Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2002. Вып. 8. С. 150 – 154.

12. Данилина Н. И. Чередования в основах латинского 3-го склонения: история и система // Античный мир и мы. Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2002. Вып. 8. С. 154 – 164.

13. Данилина Н. И. Глагол ἔχω: морфонологические аспекты // Саратовский научно-медицинский Вестник : альманах. Саратов : Изд-во Саратов. мед. ун-та, 2002. № 1, сентябрь. С. 77.

14. Данилина Н. И. Вариативность глагольных корней в древнегреческом языке // Научно-практическая конференция Саратовского государственного медицинского университета «Молодые ученые – здравоохранению региона». Саратов : Изд-во Саратов. мед. ун-та, 2003. С. 163 – 164.

15. Данилина Н. И. Понятия «позиция» и «позиционное варьирование» в морфонологии // Материалы 66-й научно-практической конференции студентов и молодых специалистов Саратовского государственного медицинского университета «Молодые ученые – здравоохранению региона». Саратов : Изд-во Саратов. мед. ун-та, 2005. С. 185.

16. Данилина Н. И. Древнегреческое глагольное словоизменение: морфонологические явления в области консонантизма // Античный мир и мы. Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2005. Вып. 10. С. 78 – 86.

17. Данилина Н. И. О принципах позиционного описания морфонологических явлений (на материале русского и древнегреческого языков) // Язык и общество в синхронии и диахронии : Труды и материалы междунар. конф. Саратов : Научная книга, 2005. С. 6 – 11.

18. Данилина Н. И. Морфонологические явления в словообразовании: консонантные чередования в древнегреческом языке // Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии : межвузов. сб. науч. ст. Тамбов : ТОГУП «Тамбовполиграфиздат», 2006. Вып. 1. С. 133 – 135.

19. Данилина Н. И. К проблеме изучения звуковых чередований в курсе латинского языка // Античный мир и мы : межвуз. сб. науч. тр. Саратов : Изд-во Саратов. мед. ун-та, 2007. Вып. 11. С. 40 – 46.

20. Данилина Н. И. Вокальные чередования в древнегреческом словообразовании и словоизменении // Experimenta lucifera : сб. материалов IV Поволжского научно-методич. семинара по проблемам преподавания и изучения дисциплин классического цикла. Н. Новгород : Изд. Ю.А. Николаев, 2007. Вып. 3. С. 30 – 33.

21. Данилина Н. И. Некоторые особенности морфонологии латинского глагола // Experimenta lucifera : сб. материалов V Поволжского научно-методич. семинара по проблемам преподавания и изучения дисциплин классического цикла. Н. Новгород : Изд. Ю.А. Николаев, 2007. Вып. 4. С. 26 – 29.

22. Данилина Н. И. Фонетико-морфологическое варьирование терминологических элементов греческого происхождения в медицинской терминологии // Язык медицины : всерос. межвуз. сб. науч. тр. Самара : ООО «ИПК «Содружество»» ; ГОУВПО «СамГМУ», 2007. Вып. 2. С. 95 – 101.

23. Данилина Н. И. Вокальные чередования в древнегреческом глагольном словоизменении // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2008. Т. 8. Серия Филология. Журналистика, вып. 1. С. 33 – 39.

24. Данилина Н. И. О роли чередований гласных в системе латинского глагола // Докторантские чтения: материалы межрегион. конф. Саратов: Изд-во Саратов. мед. ун-та, 2008. Вып. 1. С. 43 – 47.

25. Данилина Н. И. Согласные морфемы древнегреческого языка: глагольное

словоизменение // Классическая филология в Сибири : материалы VI Всерос. науч. конф. «Актуальные проблемы классической филологии и сравнительно-исторического языкознания» и регионального научно-методического совета по классической филологии. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2008. С. 48 – 57.

26. Данилина Н. И. Морфонологическая система латинского языка (глагол) // *Studia linguistica* : зб. наук. праць до 80-річного ювілею професора Нікітіної Ф.О. Київ : ВПЦ «Київський університет», 2010. Вип. 4. С. 256 – 261.

27. Данилина Н. И. К проблеме позиционного анализа в деривационной морфонологии // Актуальные проблемы современной науки и образования : материалы всерос. научно-практич. конф. с междунар. участием (Ульяновск, 15-16 сентября 2010 г.). Ульяновск : УлГУ, 2010. С. 241 – 244.

28. Данилина Н. И. Ранний этап эволюции морфонологических систем // Синхронное и диахронное в сравнительно-историческом языкознании : материалы VII Междунар. конференции (1-3 февраля 2011г., Москва). М. : Добросвет ; «КДУ», 2011. С. 54 – 59.